

Людмила БАСОВА

г. Владимир

Саша проснулся от боли в правой руке. Открыл глаза, увидел над собой белый потолок в мелких трещинках и закрыл снова. Вспомнил, что находится в психушке, куда его привезли после неудавшейся попытки покончить с собой. Боль опять напомнила о себе. Видимо, во сне неловко повернулся. Левая рука почти не болела, да и порез на запястье был просто заклеен пластырем, тогда как правая перебинтована. Оно и понятно: левой рукой вскрывать вены было неудобно, тем более из нее уже хлестала кровь. Кроме того, Саша тогда запаниковал, испугался, что вообще ничего не получится, и всадил лезвие что есть силы. Видно, распахал глубоко. Смутно помнит, что рану зашивали...

Прислушался к себе. Радости от того, что остался жив, не было. Но и острое желание уйти из жизни тоже пропало. Скорее чувство неловкости. Неудачная попытка самоубийства выглядит как фарс. Хотя на спасение он не рассчитывал. Помог (или помешал) случай. Отец вернулся совершенно в неурочное время, но вот успел...

С усилием сел, затем поднялся с кровати. Осторожно, придерживаясь за стену, дошел до туалета. Кружилась голова. Наверное, потерял много крови. Вернувшись, постарался лечь поудобнее, оберегая больную руку, и, видимо, задремал. Услышал звук придвигаемого стула и, чуть приоткрыв глаза, сквозь ресницы увидел сидящую рядом женщину в белом халате и колпаке. Вчера был другой врач, мужчина, но тот, скорее всего, терапевт. Слушал сердце, мерил давление, а это, должно быть, психиатр. Значит, полная боевая готовность. Взвешивать каждое слово, чтобы не сказать о главном, не выдать свою тайну, но и не показаться психом, не выйти из этих стен с определенным диагнозом.

— Саша, вы ведь не спите?

Скорее утверждение, чем вопрос. Но он чуть помедлил с ответом, чувствуя на себе изучающий взгляд. Пусть посмотрит. Саша знал, как выглядит со стороны. Когда был мальчиком, о

нем говорили: «Какой хорошенький!» Когда подрос, стали называть красавчиком. Да, именно так: не красавцем, а красавчиком. У него правильные черты лица, бледная матовая кожа, высокий лоб. Волосы темно-русые, волнистые, над правым виском — седая прядь, и о том, как она появилась, ему еще предстоит рассказать. На подбородке — ямочка. Но сам себе Саша не нравился. Лицо кажется слишком нежным для семнадцатилетнего юноши, в нем явно не хватает какой-то завершенности, большей очерченности, твердости. Вот фигурой он более доволен. Хорошо сложен, по-спортивному подтянут, мускулист. Но сейчас всего этого не видно, только покалеченные руки вытянуты вдоль тела поверх одеяла.

Ладно, доктор не видела еще его глаз. Они синие и в контрасте с черными ресницами кажутся очень яркими. Пора просыпаться...

— Здравствуйте, доктор! Я действительно задремал.

— Вы не против пообщаться со мной, побеседовать?

— Наверное, это необходимо? Но я в любом случае с удовольствием общаюсь с вами. А то уже вроде как заскучал. Кстати, почему я в палате один?

— Отец ваш попросил.

— В смысле — оплатил?

— Да, и оплатил, конечно. Вы бы хотели лежать с другими больными?

— Еще не знаю, не понял. Наверное, нет. А вы не боитесь, что я захочу повторить попытку суицида? Один-то, без присмотра.

— Вряд ли у вас это получится. Окна за решеткой, порвать простыню и завязать узел с такими руками тоже невозможно. Кроме того...

— Камера слежения. Так ведь?

— Ну, и это тоже.

— Спасибо за откровенность.

— Надеюсь, вы тоже будете откровенны со мной.

— Я постараюсь.

— Тогда, может быть, расскажете, что толкнуло вас на такой отчаянный шаг?

— Боюсь, что пока не получится, потому что сам еще не осмыслил, не понял.

Саша встретился глазами с доктором. Понял — не поверила. Подумал: «Это мой детектор лжи.

Она из тех, кто скорее всего умеет отличить ложь от правды. Очень уж умный и чуткий взгляд у этой женщины». И Саша еще не знает, хорошо это или плохо. Но он тоже детектор: всегда поймет, поверила ли она ему или нет.

— Ну что же, тогда поговорим на отвлеченные темы.

— Вот это — пожалуйста. Отец вам, наверное, рассказал, что я очень много читал? Как научился читать, а это было в пять лет, так уже и не оттаивался. Причем до определенного возраста читал все без разбора. Кстати, из области психиатрии тоже. Фрейда, Фромма, Юнга... Может, чувствовал, что попаду в психушку? У меня голова как помойка... Ой, простите, неэтичное сравнение. Ну, пусть как компьютер, забитый информацией без всяких программ и систем.

— Саша, я понимаю, что вы можете быть интересным собеседником. Но про психиатрию я, как вы догадываетесь, сама кое-что знаю, так что бог с ним, с Фрейдом. Просто, если мы найдем точки соприкосновения, станем понимать друг друга, я скорее всего смогу помочь вам. Кроме того, признаюсь, вы интересуете меня как личность. Когда-то я работала над кандидатской диссертацией на тему: «Дети-индиго, дети-феномены...» Вы сами себя таковым ощущаете?

Саша помедлил с ответом. Нет, скрывать тут было нечего. Просто повторил про себя вопрос доктора, задумался.

— Доктор, что-то во мне не так. Но не знаю, феномен я или нет. Все началось с молнии. Отец вам рассказывал?

— Да, но мне хотелось, чтобы вы сами рассказали об этом событии. Мне интересно ваше детское восприятие.

— Я родился недоношенным, был очень слабым и почему-то до пяти лет не ходил самостоятельно. Но это, как вы понимаете, из рассказов взрослых. А вот встречу с молнией помню. Я спал в своей кроватке, была ночь, и вдруг почувствовал какое-то тепло. Открыл глаза, и меня ослепило маленькое солнышко, висевшее над кроваткой. Так мне тогда показалось. Сразу зажмурился, а когда опять открыл глаза, солнышко было уже где-то под потолком — медленно двигалось по комнате. Тогда я поднялся, встал на ножки совершенно легко, даже не осознавая этого, и стал тянуться к нему руками. Оно

словно играло со мной. То приближаясь, то опять поднимаясь вверх, а потом вылетело в окошко. После этого я спал целые сутки, родители испугались, вызвали врача, но тот тоже не мог понять, что со мной. А еще всех испугала белая прядь, появившаяся над правым виском. Волосы у меня были даже в том возрасте очень густые, волнистые, и меня не стригли коротко. Когда я, наконец, проснулся, то стал рассказывать и врачу, и отцу с матерью про солнышко, все говорили: «Это тебе приснилось». Хотя седая прядь озадачила, а уж когда я встал на ноги и пошел, вроде не столько обрадовались, сколько испугались. Помню, отец взял меня на руки и вдруг заплакал, а потом, видимо смутившись, отошел к окну, повернулся спиной, отдернул штору, стал смотреть на улицу и вдруг закричал: «Это правда, правда! Лика! Иди сюда!»

Мама подхватила меня на руки и подошла к отцу. Я увидел, что отец дотрагивается пальцем до стекла, а палец проходит сквозь него, и ничего не мог понять. Оказывается, в оконном стекле появилось круглое отверстие размером с теннисный мячик, оплавленное по краям. «Шаровая молния! Это же шаровая молния, которая пришла к нашему мальчику!»

— «Но это же страшно! — Маму просто трясло. — Это же страшно! Она могла убить его. И сжечь наш дом!» Тогда отец так сердито прикрикнул: «Что ты несешь! Она пришла, чтобы помочь нашему сыну!»

— И после этого что-то стало меняться?

— Так говорят... Быстро окреп, встал на ноги, легко выучился читать и производить в уме достаточно сложные математические действия.

— То есть встреча в детстве с ночной гостьей сказала на вас благотворно. Отчего же после того, как она вторично посетила вас, вы решили покончить с собой?

«Детектор лжи» сняла очки, положила их на колени, придерживая тонкими, красивыми пальцами. Лицо без очков оказалось совсем другим, намного моложе, чем показалось сначала. Хотя лет сорок ей, пожалуй, есть. Взгляд серых глаз располагающий, мягкий. Но за всем этим проглядывается печаль. Не по нему же она печалится! Что-то свое, затаенное... «Стриптиз» с очками — маневр явно отвлекающий. В какое-то мгновение Саша едва не приз-

нался: «Я стал видеть вещие сны. Один из них был страшным... Я увидел, как убивают молодую девушку, узнал убийцу, понял, что все это — правда, но что делать с этой правдой и как с этим жить дальше — не знаю. Ощущение тупика и безысходность, потому что убийца...» Нет-нет, нельзя даже додумывать, даже мысленно называть имя... Пересилил себя, плотно сжал губы, закрыл глаза. Помолчал.

— Я не уверен, — наконец произнес он, — что случившееся со мной связано со вторым посещением молнии...

Доктор не поверила пациенту. Пациент это понял.

Игра в «верю — не верю» продолжалась. Хотя врать Саше почти не приходилось. Кроме вещих снов ему, собственно, скрывать было нечего. Впрочем, «вещих» — это, пожалуй, неправильное определение. Его сны еще ничего не предсказывали, а приоткрывали страницу уже содеянного, пережитого. Причем пережитого не им.

После первой беседы Саша стал ловить себя на том, что с нетерпением ждет прихода доктора. А когда оставался один, мысленно проговаривал диалог за себя и за нее, пытаясь проанализировать сказанное.

* * *

— Саша, чего вы больше всего боялись в детстве? Если, конечно, вообще боялись.

— Очень многого. Темноты, одиночества, а еще, когда пристрастился к чтению, очень боялся читать Гоголя. Ну, знаете, «Вий», «Страшная месть», а подростком — Кинга. Но они меня влекли неодолимо. Ну, а больше всего — оборотней.

У доктора в глазах некоторое недоумение, и Саша торопится объяснить:

— Нет, не тех, кто в погонах, а настоящих. Ведь, пока веришь в них, они настоящие, не так ли? Однажды сидел на лавочке со старушками — мама, видно, оставила и просила присмотреть за мной — и наслушался... Будто жил когда-то в их деревне мужчина, с виду вполне нормальный, даже симпатичный, был хорошим плотником и печи клал, а ночью превращался в зверя. Только разоблачили его нескоро. Стали в селе девушки пропадать, находили их истерзанные тела в глу-

хом лесу. И никаких примет убийцы-человека. Следы рядом с преступлением были похожи на следы крупного волка, шеи девичьи клыками изрезаны, но все девушки были иродом изнасилованы. Вот этого слова я тогда не знал, но понимал, что одно с другим как-то не сходится. Милиция билась над этой разгадкой несколько лет, пока одна из местных колдуний якобы не присоветовала последить за тихим мастеровым. Так разоблачили оборотня, а потом убивали всей деревней, осиноый кол в сердце загоняли. Слово «оборотень» я понял буквально: вывернутый наизнанку. У меня игрушка была — медвежонок плюшевый. И я, чтоб понять, как это делается, распорол его, вытряхнул опилки, вывернул. С внутренней стороны ткань была гладкая, шелковая... И я подумал, что оборотень внутри тоже с шерсткой, а когда превращается в человека, все видят только его гладкую кожу. И вот представьте себе, однажды папа взял меня на руки, обнял, я прижался к его щеке и вдруг вижу, а у него из ушей, изнутри как-то, волоски торчат. Потом-то я узнал, что почти у всех мужчин они есть, но увидел впервые у него и закричал, забился в истерике, никто ничего понять не может, и стал бояться своего папы. Вот такая была глупая история. Папа у меня добрейший человек и уж меньше всех похож на оборотня.

— А потом, Саша, вы встречали людей, которые ходили на оборотня? Ну, могли быть такими уже в другом, моральном плане?

Секундное замешательство, потом торопливо:

— Нет, нет... Ну разве как все — по телевизору. Полковники из МУРа и так далее.

Казалось, что детектор лжи щелкнул. Не поверила. Ну и пусть.

— Саша, я принесла вам рисунки. Ну, не совсем рисунки, а, как говорят дети, каляки-маляки... Посмотрите, что вы на них видите? Какие образы возникают?

— Доктор, вы замучаетесь слушать, чего я только в них не вижу! Да зачем эти каляки? Я, когда гляжу на потолок, столько всего вырисовывается из его трещинок и щербинок... Вот прямо надо мной лик Христа. Не видите? Ну, для этого, наверно, надо лечь со мной рядом. Простите, я имел в виду угол зрения. А там, в углу, — дьявольская рожа. С рогами, да, но не

очень страшная, плутоватая. Инопланетянка в прозрачном шлеме. Такая грустная. Иногда кажется, что она хочет мне что-то сказать. А вот лицо девушки. Очень порочной...

— Почему она вам кажется такой?

— Трудно объяснить. Изгиб губ, а главное — глаза... Они должны быть черными, но на потолке нет черных красок, и оттого они белые, причем это их истинный цвет.

— Поясните свои мысли.

— Ну, например, вы видите черноглазую девушку, живую, но цвет радужки у нее обманной. Как косметика, как тушь на ресницах. Но когда-то она может предстать в своем истинном облике, и это будут белые, страшные глаза.

— Белый цвет вас пугает?

— Вовсе нет. То есть бывает, что пугает, но он ведь очень разный. Хотя не такой загадочный, как серый.

— А чем загадочен серый?

— Тем, что не сам от себя зависит. Знаете, как прекрасны бывают серые глаза? У вас ведь серые, не так ли? Вы почему-то прячете их под тяжелыми очками... Да и обычная ткань серого цвета может быть очень красивой. А мне приснились сегодня серые розы. Это было ужасно... Воплощение... не печали, нет, — печальными могут быть желтые, голубые, да любые цветы. Тоски. Да, тоски...

— Вы придаете снам большое значение?

Не торопиться, надо не торопиться. Его детектор лжи, его полиграф скорее всего сознательно подводит разговор ко снам. Но доктор еще не поняла, что они почти сравнялись в своих возможностях. Саша теперь сам чувствует, когда она лукавит, когда уходит от ответа, как попросту говорит неправду.

— Доктор. Мне хочется погулять по двору, но не под присмотром санитаров, а с вами. Можете устроить мне такой маленький праздник?

Полиграф колеблется. Но все-таки она не машина в чистом виде, а человек, женщина. Надо чуть поднажать.

— Я сегодня стоял у окна, смотрел. Дворик такой хороший, листья на деревьях нарядные, опадают... Люди сидят на скамеечках, по аллеям прохаживаются. Значит, прогулки разрешаются? Я бы пообщался с ними.

– Знаешь, Саша, душевнобольные малопритяжные в общении люди. Это только Офелия в «Гамлете», потеряв разум, остается прекрасной... А так – «не дай мне бог сойти с ума, уж лучше посох и сума»...

– Да, я знаю. Это Пушкин.

– Но мы с вами погуляем. Денька через два. Сейчас вы слишком слабы.

Анна Павловна никогда не торопилась домой – ее там никто не ждал. Разве что две маленькие радости, которые она не могла себе позволить на работе. Транспортom пользовалась редко, разве уж совсем в непогоду. Но дорога занимала немного времени, жила доктор в двух кварталах от больницы.

Раздевшись в прихожей, сразу прошла в кухню, достала из холодильника бутылку водки, налила полный граненый стакан. Еще раз заглянув в холодильник, нашла кусок колбасы и два помидора, крупно порезала. Хлеба дома не было, по дороге не вспомнила, не купила. Присела на табуретку, выпила медленно, не морщась, весь стакан, вяло зажевала колбасой, помидора почему-то не захотелось. Подождала, когда алкоголь чуть притупил сознание, снял напряженность. Это она называла первой радостью. Достала из ящика буфета пачку сигарет, – радость вторую, прикурила и пошла в зал. К водке Анна Павловна за вечер больше не притронется, сигареты выкурит – всю пачку. Надо только влезть в домашние тапочки, поудобнее устроиться в кресле за журнальным столиком. Садится она всегда в то кресло, которое стоит по правую сторону столика. Напротив, по левую, – такое же кресло, только пустое. Пока пустое... Сейчас алкоголь и сигареты возьмут свое, за окном сгустятся сумерки, и тогда она отчетливо увидит в нем силуэт Славика. Он будет сидеть в той же позе, в которой Анна Павловна увидела его пять лет назад мертвым. Со склоненной вбок головой, беспомощно повисшими руками. Славика было восемнадцать лет, и погиб он от передозировки наркотиков. При матери психиатре...

Сегодня силуэт был особенно отчетливым. Это из-за нового пациента Саша. Очень похож он на Славика. Он был такой же хорошенький, пока не стал законченным наркоманом. А у этого Саша странная фамилия – Неведомый. Впрочем, что

не странно в этом мире?... Разве не странно, что сама она находится явно в пограничном состоянии. Совсем немного, чтоб из доктора превратиться в пациента своей больницы или стать алкоголичкой... Хотя останавливаться Анна Павловна пока еще может. Только однажды вместо одного стакана выпила два. Второй уже здесь, в зале. В тот вечер она не только видела сына сидящим в кресле. Тогда он встал, взял в руки скрипку, и полились звуки «Мелодии Орфея» Глюка. Его любимой мелодии. Ее любимой мелодии... Тогда Анна Павловна сказала себе: это уже не Глюк. Это глюки. Теперь она, опорожнив стакан, быстро ставила бутылку в холодильник и уходила из кухни. Ах, эта скрипка... Не потому ли невзлюбили Славика дворовые мальчишки, что каждый день шел он с этой скрипкой в бархатном пиджачке в музыкальную школу, такой посторонний, вернее, отстраненный от их подростковых игр и забав. Тихий, незлобивый еврейский мальчик. Да-да, и пусть в Израиле национальность определяется только по материнской линии, она-то знала, что Славик весь в отца, кстати, талантливый скрипача. Вот и надо было ей уехать вместе с мужем в Израиль. Не поехала, всё мешали, как ей тогда казалось, веские причины. Но ни одна из них, ни все вместе не компенсировали потерю сына. В Израиль наотрез отказался ехать ее отец, кадровый военный, ярый коммунист, в дни путча отправившийся защищать Белый дом. Он ругал на чем свет стоит и Горбачева, и Ельцина, и демократов, вернее, тех, кто называл себя таковыми. Анна устала от его криков и проклятий, они часто ссорились, и она уже решила уехать к мужу. В конце концов за отцом могли присмотреть племянник с женой в расчете получить в наследство его квартиру, но и тут все пошло наперекосяк. У полковника обнаружили рак легких, причем в последней стадии. Да и в Израиле ее ничего хорошего не ждало. Муж устроиться на работу не мог, играл на скрипке в подземных переходах. А больше скромный преподаватель музыкальной школы, который хоть и подавал большие надежды, делать ничего не умел. Но здесь, как утверждала его мама, сыну мешала пятая графа. А в Израиле проклятая графа не очень-то ему помогла, а ей, русской, точно бы помешала.

Рассчитывать на пособие им с сыном не прихо-

дилось. Все было расплывчато, непонятно. Да Анна особенно и не пыталась что-то понять. Работа, затем онкодиспансер, где ей выписывали рецепты на наркотики, затем в аптеку, где бесплатно выдавали эти наркотики. Харкающий кровью отец, проклинающий всех и вся, и казалось, вовсе не был озабочен своим здоровьем, но однажды, после удушающего кашля, вытерев кровавую пену у рта, напрямую спросил:

— Анна, это рак легких?

Она растерялась, не сумев солгать — да и надо ли было? Кивнула: «Да, так...»

Полковник встал, распрямив иссохшее тело, и, кому-то погрозив кулаком, насмешливо и зло произнес:

— Ничего! Так даже лучше. Меня вы почтовым шпагатом не удавите, и в окно по вашему приказу я не выпрыгну.

По телевидению то и дело сообщалось о странных самоубийствах членов ГКЧП, в том числе и маршала Ахромеева. И что-то молодое, дерзкое появилось в голубых, казалось, уже навсегда поблекших глазах отца. Отбросив в сторону трость, улыбнулся улыбкой победителя и неторопливо, но все же четким, строевым шагом направился в спальню. И дочь ни о чем не догадалась, более того, мелькнула мысль: «Он даже рад, что жить ему осталось недолго».

Славик в этот день пришел с поломанной скрипкой. На вопрос: «Что случилось?», пряча глаза, пробормотал: «Упал...»

Но футляр на скрипке был явно разорван. В последнее время сын нередко приходил то с фингалом под глазом, то с разбитым носом. И Анна все собиралась сходить в школу, найти родителей мальчишек, невзлюбивших ее сына, но так и не собралась. Теперь решила, но сын бросился к ней: «Мамочка, умоляю, только не это... Не ходи, мамочка. Все будет только хуже...»

И она не то чтобы уступила, но решила сделать это потихоньку, так, чтобы сын не знал. Завтра или послезавтра... Приготовила ужин, затем привычно наполнила шприц лекарством и направилась в комнату к отцу. Сделать укол, накормить, заодно убавить звук телевизора. Отец включил его на полную громкость, видимо, стал глохнуть, но какое это имеет значение при его диагнозе и состоянии. Полковник лежал на заливной кровью подушке. Правая рука согнута в

локте, пистолет, выпавший из разжатой мертвой ладони, скатился на одеяло. Но пальцы почти касались виска. «Честь имею...» Нет, отдаю в последний раз. Только кому? Господи?!

Позже, прокручивая в голове разговор с отцом, ужаснулась — ведь все было сказано открытым текстом. «Меня вы почтовым шпагатом не удавите...» Как же она, дочь, в конце концов, врач-психиатр, с красным дипломом окончившая институт, имевшая за плечами десятилетний стаж работы, ничего не поняла? Или... Да, не надо лукавить. Не хотела понять, и подсознание отгородилось от смысла услышанного, чтобы не запаниковала заранее, а может быть, даже и не помешала.

А что касается ее специальности... Анна действительно была хорошим психиатром, недаром профессор Сабинский, чьи лекции она слушала в институте, возглавив частную больницу, одной из первых пригласил ее на работу. Но есть вещи необъяснимые. Так, Антон Павлович Чехов отказывался ставить себе диагноз — туберкулез, до последнего объясняя горловое кровотечение лопнувшим сосудом. Так, известный онколог, вопреки клинике и анализам, отрицал у себя наличие раковой опухоли. Да мало ли знает наука о такой изворотливости человеческой психики! Взять хотя бы синдром отказа от реальной беременности. Страдающие им женщины не понимают, что беременны, до самых родов, а затем, как правило, оставляют ребенка в больнице или, родив дома, избавляются от него более жестоким образом.

Анна давно уже перестала смотреть телевизор, но иногда все-таки включала информационные программы, чтоб уж совсем не одичать и знать хоть немного о том, что творится в мире. Случалось, что, забыв вовремя нажать кнопку пульта, все-таки прихватывала что-то из тех телешоу, которые можно было бы объединить под одной рубрикой — «чужую беду руками разведу». Как ужиться со свекровью, что делать, чтобы муж не ходил налево, как воспитывать детей?.. И Анна невольно думала о том, что сама бы она куда более умно и тонко могла бы говорить об этом. А еще хотелось спросить у сражавшихся в словесных баталиях: а у вас-то в быту, в любви, в отношениях с детьми и родителями все в порядке? Или, может быть,

как у нее, которая упустила вся и всех... А уж если бы самой пришлось обнажить свою мораль публично, сколько бы аргументов она нашла для оправдания себя, любимой! Ничуть не меньше, чем находит обвинений, оставаясь один на один, в адрес себя, нелюбимой...

Начала бы, пожалуй, с детства, с родителей. Мать была ей неинтересна. Образцовая офицерская жена, замечательная хозяйка. На чистоте была просто помешана, и ее, девочку, приучила к этому. Отец казался грубым солдафоном. По большому счету, Аня не любила своих родителей. Или любила как-то не так... Нет, это, пожалуй, следствие. Причина в том, что они, родители, любили ее как-то не так... Мать боготворила отца, прощала ему и грубость, и измены. Для дочери в ее сердце просто не оставалось места. Почему? Да начни копать — и опять все можно объяснить: деревенская девочка вышла замуж за лейтенанта, а он дослужился до полковника, был востребован в Москву. Прожила как мышка и так же тихо ушла из жизни. Прикорнула на диванчике и не проснулась. Было ей всего сорок пять лет. Как показало вскрытие — обширный инфаркт. Того особого, отчаянного горя, которое обычно испытывают потерявшие близкого человека, Аня не испытала. Но прошел месяц-другой, вдруг стала замечать, что, занимаясь уборкой, подолгу держала в руках и разглядывала затейливые узоры белых кружевных салфеток и скатерочек, связанных крючком. А однажды, решив выкинуть старый халат матери, вдруг почувствовала родной запах и долго плакала.

Насчет отца Аня, пожалуй, ошибалась. Мать он, как она теперь поняла, любил. Очень уж сдал после ее смерти, потускнел и, похоже, потерял всякий интерес к женщинам. А ведь ему было всего пятьдесят, он красив, еще статен. Зато, словно впервые, обратил внимание на дочь — она уже училась на втором курсе мединститута. Стал активно интересоваться ее жизнью. Видимо, любовь к матери, жившая так глубоко в его сердце, теперь искала выхода. Но была эта любовь депотична и требовательна, а главное, почти не приносила отдачи: дочь только тяготилась ею.

Со своего отца Аня неожиданно переключилась мыслью на отца юного пациента Саши. Симпатичный мужчина, этакий крепкий руса-

чок. Вчера сунул ей в карман конвертик. Аня возражать не стала — сейчас все берут. Дома пересчитала деньги: нехило... Она, впрочем, не очень в них нуждалась, тратить было некуда. На водку хватало, на работе платили достаточно. Но отказываться было глупо, пусть лежат, мало ли что. Тем более что человек он явно не бедный. Своя ферма, молочный заводик во Владимирской области. И все-то у Саши было, и собак держать разрешали, не то что она своему сыну, и любовь родительская... Однако юноша почему-то решил покончить с собой, и она, его доктор, еще не поняла почему. Может быть, что-то прояснится после встречи с матерью, ее Анна еще не видела. Отец Саши объяснил, что жена тяжело перенесла случившееся и сама находится в стрессовом состоянии.

* * *

Если кто-то смог бы одновременно заглянуть в квартиру доктора, находившуюся в Подмосковье, и в дом Сашиных родителей во Владимирской области, он бы подивился схожести увиденного. В зале, при сумрачном свете, за журнальным столиком, в кресле, сидел Сашин отец, Сергей Иванович. Перед ним также стоял граненый стакан с водкой, на тарелке лежала закуска, а по другую сторону стола, напротив, находилось пустое кресло. Еще недавно, сидя друг против друга, они подолгу вели с сыном неторопливые беседы. Говорил, правда, в основном Саша, отец больше слушал. У Сергея Ивановича за спиной был определенный жизненный опыт, он умел работать и, казалось, понимать людей, но сын знал гораздо больше, рассказывал удивительные и не всегда понятные вещи. Отец только диву давался, откуда у него, человека в общем-то заурядного, мог родиться такой замечательный, такой необычный ребенок. Его ум впитывал в себя как губка все прочитанное, услышанное — из книг, телепередач, Интернета. Сергей Иванович не столько гордился сыном, сколько боялся за него. Боялся перегруженности знаниями еще не окрепшей психики, и, видимо, не зря... Но по совету друзей и по просьбе самого Саши нанимал педагогов сначала англ-

лийского, потом французского языков — сын осваивал их в рекордно короткие сроки и начинал говорить так же легко, как на родном, русском. Сергей Иванович часто задавал себе вопрос: связаны ли ошеломительные способности сына с шаровой молнией или так странно переплелись гены-хромосомчики и чего там еще у них с женой, о которой он так толком и не узнал ничего за все прожитые годы.

В отличие от Анны Павловны, Сергей Иванович был дома не один. В комнату тихо вошла маленькая женщина, закутанная в темную шаль, и между ними произошел странный диалог:

— Выйди отсюда и не вздумай включить свет.

— Послушай, но это и мой сын.

— Ой ли? — Сергей Иванович наконец обернулся, бросил на жену тяжелый взгляд.

— Я его родила.

— Да, это так. Но все равно уйди.

Женщина покорно пошла к двери. Она была совсем маленькая, и шаль тяжелым хвостом волочилась за ней по полу.

— Ведьма, ведьма и есть, — проговорил ей вслед Сергей Иванович.

Она остановилась.

— Ты меня звал?

— Просто назвал тебя... по имени. Иди. Нет, погоди! Сними с себя эту шаль и больше не трогай. Поняла?

Женщина молча стянула с плеч шаль и бросила на пол.

Шаль принадлежала первой жене Сергея Ивановича, Катюше, погибшей почти двадцать лет назад при невыясненных обстоятельствах. Ни могилы, ни креста, ничего нет... А одежда так и висит в шифоньере, и нынешняя жена Лика никогда не надевала ее вещей. И не только потому, что были они ей не по размеру, а словно боялась. Вот только шаль откуда-то вытащила и стала в последнее время в нее кутаться.

* * *

В понедельник ровно в 8.30 утра Анна Павловна стояла у проходной своей больницы, ожидая, пока старик вахтер, выглянувший на звонок в окошечко, откроет ей дверь. Еще издали она заметила сидевшего на ступеньках,

как ей показалось, подростка, который, увидев ее, привстал:

— Скажите, вы Анна Павловна?

— А ты что, меня ждешь?

— Да, я мама Саши Неведомого, мне хотелось поговорить с вами.

Анна Павловна чуть не чертыхнулась. Надо же так облажаться! Хорошо еще — не спросила: «Что ты, мальчик, тут делаешь?» Хотя ошибиться было нетрудно. Маленькая, худенькая, в джинсах и курточке. Волосы черные, блестящие, коротко стриженные. А лицо... Кто она? Вьетнамка, кореянка? Ей всегда с трудом удавалось по виду определить возраст представителей этой расы, а уж с первого взгляда тем более. Но что удивило ее еще больше — так это то, что женщина оказалась женой рослого, статного, такого русского, что хоть плакаты с него пиши, Сергея Ивановича и мамой красавчика Саши. По крайней мере, так она представилась.

Подумав, доктор решила извиниться:

— Простите, вы, наверное, слишком молодо выглядите для мамы Саши...

— Ничего, я привыкла...

В кабинете Анна Павловна, предложив родственнице пациента кресло, сама села за свой письменный стол, но перед этим подошла к окну, открыла форточку, раздвинула шторы так, чтобы свет падал на лицо женщины, а ее оставалось затененным. Маленькая профессиональная уловка: так легче наблюдать за собеседником.

Теперь, уже приглядевшись, Анна Павловна не сомневалась, что мама у Саши действительно азиатской национальности, но какой именно — определить так и не могла. Как правило, в детях, рожденных от смешанных браков, доминировал тип темной расы. Во внешности Саши, как ни странно, ничего не было от матери. У нее низкий лоб, очень смуглая кожа с желтым отливом, приплюснутый нос. Верхняя губа приподнята, оттого виден ряд маленьких, острых зубов. Нижняя губа, как и подбородок, выдвинута вперед. Саше-то она, может, и неродная, а вас, Сергей Иванович, только поздравить с такой «красавицей женой»...

— Ну, давайте знакомиться. Я давно ждала вас. Ведь именно информация близких людей и помогает психиатру разобраться в случившемся. Как вас зовут? Лика? Кстати, я хочу задать вам

сразу вопрос: вы родная мама Саши? Это не праздный интерес. Спрашиваю потому, что Саша не похож на метиса. И если он не родной, мне бы хотелось что-нибудь узнать о его настоящей матери. Знаете, наследственность, гены...

— Я родная. А что не похож, так откуда я знаю, почему так, — и опять повторила: — Но я привыкла.

«Косноязычна и, кажется, глупа, — отметила про себя доктор. — Хотя нет, глупа — не то определение. Интеллект, пожалуй, на нуле, а умом, вполне возможно, не обделена. Хотя это пока ничем не подтверждено».

— Ну, спрашивайте, Лика, что вы хотели узнать от меня? А потом уж я, с вашего позволения, буду задавать вам вопросы.

— Саша сильно болен?

— Если вы имеете в виду его психическое здоровье, то он вообще не болен. Раны на руках тоже заживают. А вот что толкнуло вашего сына на такой отчаянный поступок и что сделать, чтобы он никогда больше не повторил его — тут уж я рассчитываю на вашу помощь.

— На мою помощь? — Лика подалась вперед, даже привстала со стула. На лице недовольство и удивление. — Разве я могу вам помочь? Я же не врач. И почему вы говорите, что он не болен? Я и то понимаю, что болен.

— Вот и помогите мне. Расскажите, что случилось, перед тем как Саша вскрыл вены? Ваш муж сказал, что у него не было девушки, а подростки в подавляющем большинстве решаются на суицид именно из-за несчастной любви.

— На что решаются?

«Она не знает слова «суицид»», — поняла Анна Павловна. Пояснила:

— Хотят умереть, идут на самоубийство. Может быть, он поссорился с кем-то, кто ему дорог: с вами, с отцом? Может, чего-то боялся? И почему вы считаете его больным? Ведь вы сами только что напомнили мне, что вы не врач, хотя я, правда, и так об этом догадывалась.

«Ну, занесло меня, — одернула себя Анна Павловна, недовольная тем, что заговорила в другой тональности. — Еще только не хватало острить или подшучивать над этой убогой. Только убогой ли?» Располагающе улыбнулась, мягко произнесла:

— Лика, вы ведь зачем-то пришли ко мне? По-

говорить, не так ли? Вот и давайте разговаривать.

— Доктор, я знаю, отчего он заболел... Как бы ненормальный стал. А вы сказали — здоров, и я тогда растерялась. Все это из-за молнии. Так получилось, что к нам в дом шаровая молния залетала, два раза.

— В какие годы и через какой отрезок времени в ваш дом залетала молния?

— Первый раз — когда ему было шесть лет, а второй — когда уже шестнадцать исполнилось. Но во второй раз мы не знаем, залетала ли она к Саше. В село залетала, сарай один сожгла. Соседи говорят, висела над нашим домом.

— И как же изменился ваш сын после первого посещения?

— Сначала мы заметили только, что он ходить начал хорошо, у Саши ножки были слабые от рождения. А потом, знаете, становился как-то быстро очень умным.

— И то, и другое весьма позитивно. А почему вы считаете, что его умственное развитие непременно связано с молнией?

— А откуда же он такой? Мы с мужем оба нормальные.

Доктор про себя усмехнулась: слишком далеко стояли друг от друга эти «нормы». А вслух сказала:

— Такие случаи не так редки, как вы думаете. У совершенно обычных людей иногда рождаются дети совершенно уникальные, талантливые и даже те, которых называют гениальными.

Анна Павловна хотела было сослаться на примеры истории, но решила этого не делать, вряд ли ее собеседница слышала о них, а устраивать ликбез совершенно ни к чему. Спросила:

— А в характере, в поведении Саши что-то было необычное?

Лика сморщила невысокий, плоский лоб, пытаясь сосредоточиться, и стала похожа на обезьянку:

— Да, было. Он всех жалел. Собак, кошек, птичек, даже мышей.

— Вы считаете, это плохо?

— А зачем их жалеть? Ну, еще если своя собака, дома живет и заболела, то ладно, а если беспризорная? Но это еще не все. Они хоть живые. А скажите, неживое можно жалеть?

— Я не совсем поняла. В смысле — жалеть мертвую собаку?

— Нет, еще хуже... Я вам расскажу сейчас, вы поймете. Мы однажды в Москве были, все вместе — я, муж и Саша. Повели его в парк, где много всяких каруселей, еще горки американские. Все красивое, крутится, вертится, — дети туда просятся. А Саша увидел в сторонке качели старые, их, наверное, просто выкинуть не успели, потому что до этого к весеннему открытию многое переделали, совсем новое установили. Эти качели — как улитка, с одной стороны у нее вроде морда или как сказать, а с другой — хвостик. Краска вся облезла, одни глаза на этой морде видно. И Саша стал просить: «Я хочу на ней покачаться. Посмотрите, какие у нее грустные глаза, ей же обидно, что никто к ней не подходит...» Муж говорит: «Саша, на нее даже билеты не продают», а он все равно просит: «Ты меня просто покачай на ней», — а у самого слезы. Скажите, это нормально? Саше уже десять лет было, он книги взрослые читал.

— Ну и как, покатали его отец?

— Конечно, он же его всегда балует...

— Лика, а вообще в семье у вас ладно? Бывают скандалы, ссоры, которые могли бы травмировать Сашу, тем более он такой жалостливый?

— Мы с мужем никогда не ссоримся. Правда, почти совсем не разговариваем. Он молчит, и я тоже. Так, только о делах, про ферму или еще что...

«Что ж, это как раз понятно», — подумала Анна Павловна. Спросила:

— А после второго посещения молнии в Саше произошли еще какие-то перемены?

— Да. Он стал видеть какие-то страшные сны.

— Он рассказывал, что именно ему снилось?

— Нет! — слово выскочило как из пистолета.

Анна Павловна увидела, как изменилось лицо Лики, каким тяжелым стал взгляд и постоянно приоткрытый рот из-за вздернутой верхней губы плотно сомкнулся. В том, что она соврала, Анна Павловна даже не сомневалась.

— Что ж, Лика, спасибо вам за беседу. А теперь скажите, чего вы хотите?

— Как это? Чтобы вы вылечили его, чтобы нормальным стал, как все. Лечите сколько надо, мы не бедные, муж для него ничего не пожалеет.

«Итак, в отличие от отца, мать хочет, чтобы сын как можно дольше оставался в больнице...»

— Хорошо, будем лечить сколько надо. Ну, а теперь пройдемте, отведу вас к сыну.

— Нет, я сейчас не пойду.

— Странно... Вы что же, не хотите его видеть?

— Хочу. Но потом. Сейчас не могу.

— Тогда до свидания, я как раз иду к Саше.

Они вместе вышли в коридор, и Анна Павловна еще некоторое время смотрела вслед уходящей Лике. Та уже не казалась подростком, по крайней мере со спины: шла медленно, сутулившись, как под тяжелой ношей. Анна Павловна укорила себя за то, что выводы о матери Саши она сделала, пожалуй, слишком скоропалительно и вообще отнеслась к ней с предубеждением.

* * *

— Здравствуй, Саша! Как себя чувствуешь? Я вижу, что лучше. Видно, вчерашняя прогулка по двору явно пошла на пользу. Даже щеки порозовели.

— Да, Анна Павловна, спасибо, что разрешили погулять. Мне было очень интересно.

— Что же интересного ты увидел?

— Больных, которые тоже гуляли. У некоторых такие необычные лица... Будто они знают нечто такое, чего не знают и не ведают другие. Прислушиваются к чему-то потаенному в себе, то хмурятся, то улыбаются, иногда так лукаво...

— Шизофрения в буквальном переводе означает «расщепление сознания». Так что есть у них и свои миры, отличные от мира здоровых людей. Но это, Саша, болезнь.

— Теоретически я это знаю. Потому что, как уже говорил вам, читал все подряд, в том числе и книги по психиатрии. Правда, в том возрасте, когда еще многое не мог понять. Но все-таки, у вас никогда не возникало сомнений, что этот другой мир, ну, параллельный, в другом измерении все-таки есть и кто-то из ваших пациентов в него по чьей-то воле входит?

— Нет, никогда, — ответила доктор, и тут уж Саша ощутил себя в роли полиграфа, догадавшись: это неправда. А сама Анна Павловна знала: были, были сомнения... Когда студенткой проходила практику. В палате, к которой она была прикреплена, лежала тридцатипятилетняя женщина, кандидат физико-математических

наук, которая во всем была разумна и последовательна, кроме одного: время от времени ее «вызывала» на сеанс связи планета Марс. Контактывала пациентка с Марсом недолго, вслух не произносила ни слова, и лишь по мимике лица ее можно было наблюдать за беседой. Вот она улыбнулась, кивнула, видимо поприветствовав своего связника, вот задумалась, чуть нахмурившись, скорее всего осмысливая ответ на заданный вопрос. Анна поинтересовалась, почему она ничего не говорит вслух, женщина ответила, что в этом нет необходимости, достаточно мысли. А иногда оправдывалась перед практиканткой: «Я ведь не виновата, что они выбрали именно меня». Однажды Анна Павловна поделилась своими сомнениями с лечащим врачом. Но едва произнесла: «а вдруг», как врач рассмеялся, сказал, что поначалу такое случается не только с практикантами, но даже и с молодыми врачами. Затем посерьезнел и наставительно прочитал целую лекцию про то, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. А еще предупредил: если сомнения такого рода не пройдут, нужно менять если не профессию, то специальность. «Вот будете хирургом, сделаете операцию — точно будете знать, что камни в почках больного были. Диагноз оказался верным. Ну, или наоборот».

С тех пор она не сомневалась, оставив навсегда это коварное «а вдруг...».

— Доктор, я еще видел одного старика... Он такой красивый, седовласый, как-то выделяется из других. Сидел ото всех поодаль и сам с собой разговаривал. Чем он болен?

— Деменция. Проще сказать — старческое слабоумие. От этого вообще-то не лечатся. Но у него богатый сын, и, когда семья уезжает на отдых, старика привозят сюда — как в пансионат. Здесь уход, внимание, кроме того, он получает психотерапевтическое лечение, в таком возрасте немало болезней.

— Я подсел к нему и прислушался к тому, что он говорит. Он повторял одну и ту же фразу: «Откройте форточку, господа!» Интересно, почему?

— Ну, это трудно объяснить. Возможно, всплывает в памяти картинка из прошлого. Застолье, в комнате накурено, он обращается к друзьям или хозяевам...

— Неужели такое может вспомниться, когда память практически потеряна? Я всегда думал, что непременно что-то важное, яркое. Очень страшное или, напротив, счастливое. А вы знаете, кем он был раньше?

— Да, знаю. Достаточно крупным ученым, кажется, астрофизиком.

— Астрофизиком? — Саша оживился, даже глаза засветились. — Доктор, это не про накурено, это...

Но доктор, на лице которой вдруг появилась некая озадаченность или даже растерянность, глянула на него и перевела разговор в другое русло.

— Саша, вы живете в небольшом районном центре, вряд ли там хорошая, большая библиотека. Где вы приобщились к чтению?

— Приобщился именно в нашей небольшой сельской библиотеке. Заведовала ею пожилая женщина, ее уже нет в живых. Елизавета Николаевна. Она меня очень любила. Дело в том...

Саша как-то сбился с доверительного тона, что-то его смутило, и Анна Павловна подумала: «Как в детской игре — до «горячо» еще далеко, но уже «теплее». Не вспугнуть бы до времени».

— Рассказывайте, Саша, — попросила как можно мягче.

— Дело в том, что ее единственная дочь была первой женой моего папы, но она... она умерла совсем молодой, они даже ребенка не успели родить. И мне кажется, что Елизавета Николаевна видела во мне как бы внука. Ну, который мог бы быть ее родным. По крайней мере, я чувствовал, как она меня любит. Она мне приносила книги и из своей личной библиотеки, среди них были уникальные, раритетные. Я краем уха слышал, что Елизавета Николаевна из «бывших», ее родители были репрессированы, погибли в ГУЛАГе. Она была очень образованным человеком, но я был слишком мал, чтобы хорошо узнать ее. А сейчас ее уже нет в живых. Повзрослев, ездил в областную библиотеку, просиживал часами в читальном зале. Ну, а потом компьютер, Интернет... Сами понимаете.

— Саша, почему тебя так интересуется шаровая молния? Сергей Иванович рассказывал, что ты часами мог говорить о ней.

— Ну, как же... Ведь она зачем-то посетила меня и оставила жить. Вы даже не представляете,

сколько я узнал о шаровой молнии за эти годы! Нет, не то я говорю... Пытался узнать, собрал много информации и в итоге так ничего и не узнал. Да и как я смог бы это сделать, если над загадкой шаровой молнии бились ученые с незапамятных времен, да и сейчас бьются. Парацельс, Ломоносов, Циолковский, Капица, ученый-мистификатор Никола Тесла — каждый из них пытался ответить на вопросы: что это? Или кто? Форточка в другой мир? Гостя из будущего? Или прошлого? Посланница высших сил? Но представители классической науки отрицают возможность таких определений. Просто природное явление, хотя соглашаются: да, пока до конца не познано...

— К чему же склоняешься ты сам?

— К тому, что это разумное существо. Иначе как объяснить преследование жертвы, ее избирательность? Вот несколько историй. В 1918 году, во время военной кампании во Франции, шаровая молния поразила британского офицера Саммерфольда во время боя, когда он был верхом на лошади. Офицер остался жив, но частично парализован, комиссован из армии и вернулся в Онкувер, откуда был родом. Однажды он поехал на охоту с друзьями, где его снова настигла молния, теперь его парализовало полностью, и вскоре он умер, перед смертью сказав: «Она меня рассматривала». Но был еще и третий раз... Молния угодила в надгробье и разворотила захоронение, где покоился несчастный...

— Для разумного существа жестоко, не так ли?

— Да, согласен. Но, может быть, она ему мстила за что-то? Не знаю... В Саратовской области в районе Медведицкой гряды, по утверждению местных жителей, шаровые молнии — частые гости. Оттого и прозвали гряду Чертовым логовом. Так вот, там произошел такой случай. Пастух присел на камень отдохнуть, его напарник продолжал пасти коров и вдруг заметил возле сидящего пастуха огненный шар. Когда подбежал, увидел: на камне сидит черный истукан, совершенно сожженный, а одежда на нем даже не опалена. То есть сожжен изнутри. Так он стоял и смотрел, не в силах прийти в себя, молния вернулась, окружилась над ним и в секунду превратила в золу всю его одежду, но сам он не получил ни одного ожога. Просто для природного явления,

согласитесь, странно... Но едва ли не более странно, что иногда молния оставляла на теле погибших или опаленных ею рисунки. Горный пейзаж, в точности изображающий ту или иную местность, листок дерева, лицо человека. На мне вот, видите, тоже оставила метку, — Саша повернул голову, показывая доктору седую прядку. — А иногда после встречи с молнией люди исчезали бесследно, она уводила их с собой.

Никогда еще Саша так оживленно, с таким интересом не беседовал с Анной Павловной. Никакого напряжения — совершенно расслабился, раскрылся. И она решила: пора...

— Саша, это все было в первый раз. А что изменилось после ее второго посещения? Ты стал ясновидящим? — спросила шутливым тоном и сразу — резче и громче: — Это тогда ты увидел тот страшный сон?

Все изменилось мгновенно. В глазах пациента — страх и смятение. Слезы. Потянулся руками к лицу, чтоб закрыть его ладонями, но, видимо, неловко, застонал, рана на правой руке еще не совсем зажила. По щекам поползли слезинки, потом доктор услышала всхлип. Подумала — так наносят удар по противнику, но Саша не был противником. Ей просто надо было нащупать болевую точку. Что ж, она попала в цель. Хотя степень его выздоровления явно переоценила. Однако успокаивать Сашу не стала. Вышла из палаты, а к нему прислала сестру — сделать успокаивающий укол и посидеть с ним. Что же касается Саши, доктор решила сегодня же позвонить его отцу и встретиться с ним еще раз. Однако звонить не пришлось — к концу рабочего дня он позвонил ей сам и попросил о встрече.

Вернувшись домой, Анна Павловна совершила обычный ритуал — выпила стакан водки и, как всегда нехотя, закусил тем, что подвернулось под руку в холодильнике, — на сей раз консервированной кукурузой из баночки и свежим огурцом. Зато, расположившись в кресле, с наслаждением закурила. В комнате уже сгущались сумерки, осенью темнеет рано, и она опять останется наедине со своим мальчиком... Но пока Анна Павловна никак не могла отключиться от мыслей о своем юном пациенте. Может быть, потому, что он так напоминал ей сына. Кроме

того, впервые за годы работы в ней появилась заинтересованность не только в том, чтобы вылечить больного, но и разобраться, распутать эту семейную драму, и это было довольно странно. Лично ее — не врача, а человека, — уже давно ничего не интересовало.

Сергей Иванович не просто попросил о встрече. Сказал: «Мне кажется, я сам нуждаюсь в вашей помощи. Конечно, неофициально и, понятно, за отдельную плату. Я знаю, вы замечательный врач».

Положив телефонную трубку, Анна Павловна про себя повторила: «Замечательный врач, — и тут же добавила: — у которого застрелился отец и погиб от наркотиков сын...»

Может, действительно народ всегда прав, воплотив свою мудрость в притчае: «Сапожник без сапог...» Се ля ви. Так и никак иначе. Ни разу она в своей семье не проявила себя пусть не как психиатр, а хотя бы как психоаналитик, простой психолог, что было составной частью ее профессии. Не задумывалась над тем, как пережил отец, для которого слова «Служу Советскому Союзу» были не просто парадной фразой, а смыслом всей жизни, развал этого Союза. И так уж легко было матери оставаться серой мышкой при властном, категоричном и вспыльчивом муже? С отцом особенно обострились отношения после замужества, и как-то снивелировать их, уладить она не пыталась тоже.

С Яшей, студентом консерватории, Анна познакомилась на дне рождения своей однокурсницы Розы, он был ее братом. Роман их развивался стремительно, но отнюдь не легкомысленно. Пробежала между ними божья искра сразу же — «едва соприкоснувшись рукавами». И ведь совсем был не тот типаж, в который она, как ей тогда казалось, могла влюбиться. Небольшого роста, ранние залысины надо лбом, а на затылке волосы густые, кудрявые и длинные до плеч. Да и фигура какая-то мешковатая. Что ж, если по Фрейду, дочь подсознательно ищет мужчину, похожего на отца. Аня, по-видимому, искала его антипода. Так отец Яшу и воспринял.

— Нашла себе волосатика. На мужика не похож, гвоздя забить не может, — выговаривал ей отец.

— А ты меня спроси, какой он мужик, — огрызалась в ответ дочь. — Это же я с ним сплю...

— Ах, вот оно что. Постыдилась бы...

Такие перепалки происходили между ними довольно часто. Однажды дочь даже обвинила отца в антисемитизме.

— Дура! — кричал отец. — Я коммунист, а значит — интернационалист.

Но перестроечная литература уже выплеснула на страницы журналов и газет все то, о чем еще недавно шепотом говорили в кругах интеллигенции, и дочь в ответ парировала:

— А как же дело врачей? А убийство режиссера Михоэлса? А Мейерхольд, а Манделштам, которого сгноили в лагерях? — Фамилий последних отец скорее всего не знал, но ее это не останавливало: — Что, не коммунисты это творили? Не чекисты, не ваш Дзержинский — «чистые руки, горячее сердце...»?

— А почему ты веришь всему, что пишут? Потому что своих мозгов нет?

Яша, если был дома во время этих стычек, уходил в спальню и отсиживался там в обнимку со скрипкой. Играть на ней он позволял себе только в отсутствие отца. А когда-то он окончательно покорила сердце Ани именно этой скрипкой. Она никогда не училась музыке и, казалось, не была подготовлена к ее восприятию. По крайней мере, серьезной, классической. Но, видно, где-то в тайниках души пряталась, дремала эта тяга к прекрасному, и Яша разбудил ее — что-то сдвинулось, растаяло в ее сердце, заставило по-другому жить и чувствовать. Когда муж играл на скрипке, он казался Ане гением, почти богом. И справедливости ради надо сказать, что не только ей одной. Педагоги предсказывали ему блестящее будущее. Яша подтвердил их высокую оценку, дважды став лауреатом престижных конкурсов. Но время внесло свои коррективы. Постсоветская интеллигенция с постыдным рвением кинулась разоблачать деятелей культуры и искусства, то есть друг друга. Кто-то когда-то струсил, не подписал письмо в защиту гонимого, а кто-то, наоборот, подписал то, что подписывать было аморально. Подвергся обструкции и известный композитор, преподаватель Яши, который еще на последнем курсе пригласил его в филармонию. Зато молодые, наглые шоумены отвоевывали свое место под солнцем, создавая свой скорый и

весьма прибыльный бизнес. Яша толкаться локтями не умел. Отец Анны был прав: ни бойцом, ни борцом он не был. Просто замечательно играл на скрипке, хорошо начинал как композитор. А работать ему пришлось в ресторане тапером. Скрипка отдыхала, играл Яша на фортепиано, и это по тем временам было большой удачей. Аня же со своим красным дипломом второй год сидела дома с маленьким сыном Славиком. Вообще-то, планировали назвать его Даней, Даниилом, но попросил отец назвать Станиславом в честь своего отца, то есть прадеда мальчика. Родители уступили, Славик так Славик. Главное, что отец Анны стал как-то мягче после его рождения и сразу полюбил внука, благо, что и времени повозиться с ним было достаточно. Павел Станиславович любил полушутя говорить, что в отставку уйдет в генеральских погонах: он был довольно близок и с маршалом Язовым, и с генералом Макашовым. Ушел в полковничьих и не по своей воле. Пенсию не выдавали месяцами, и так уж теперь выходило, что единственным кормильцем был Яша. Правда, и ему зарплату как таковую выдавали крайне редко, зато был так называемый бартер продуктами, причем дефицитный и вкусный. Кроме того, не сразу, но все-таки научился брать деньги, которые ему совали в карман или просто бросали на клавиши фортепиано. Однажды Анна спросила у владельца ресторана, двоюродного дяди Яши, который и взял его на работу, почему бы ему не играть на скрипке, ведь он владеет этим инструментом более виртуозно, на что тот, почему-то перейдя на шепот, произнес: «Что вы такое говорите! Они же сразу скажут, что я устроил здесь еврейскую лавочку!» Причем при слове «они» указал пальцем вверх. То, что он имел в виду не Господа Бога и не силы небесные, Ане было понятно, а кого именно, уточнять не стала.

Отец тяготился Москвой. Все негативные реалии, происходившие в стране, проявлялись в Москве особенно явно и жестко. Угнетала его также потеря привычного статуса. Павел Станиславович уговаривал продать квартиру и купить дом в Подмоскowie. Он вдруг вспомнил, что родом из крестьян, займется огородом, который отвлечет его от тяжелых дум

и поможет семье оставаться на плаву. Кроме того, экология, свежий воздух, тишина. Яша, который также тяготился своим нынешним положением, легко соглашался, добавляя: лишь бы там была музыкальная школа, пойдет учить детей. Но они несколько лет еще промаялись в Москве, пока все не совпало: как раз Анну пригласили в психоневрологический диспансер в небольшой подмосковный городок. Одно крыло диспансера отдали под частную больницу, возглавил которую бывший преподаватель. Совпало-то совпало, но, когда Аня с Яшей пришли повидаться перед отъездом к его родителям и сестре, там всюю уже обсуждали отъезд в Израиль. И хотя Яша в этом как бы пока не участвовал, у Анны защемило сердце. Она понимала: может, не сразу, но такой выбор предстанет и перед ней. А если решит остаться, Яша уедет все равно. Он, конечно, большой, но все-таки еврейский мальчик, и не допустит, чтобы его старые родители уехали без него, пусть на историческую родину, но все же на чужбину. И не ошиблась.

Правда, случилось это не так скоро: уехать в Израиль быстро тогда еще не получалось. Да и сестра Яши не рвалась туда, она жила гражданским браком с грузином, любила его. Кроме того, прекрасно понимала, что с распостертыми объятиями ее никто не ждет, а без знания языка рассчитывать придется разве что на работу санитаркой, да и то, если повезет. Роза учила иврит и английский. Яша молчал, Анна его ни о чем не спрашивала, языков не учила. А в Подмоскowie они все-таки перебрались. Правда, его уже нельзя было назвать тихой заводью. Если в Москве нувориши приобретали заводы, фабрики и прочее имущество, то и здесь закрывались или покупались маленькие предприятия, разорялись коллективные хозяйства. Земля дорожала как на дрожжах, так что те же рейдерские захваты, рэкет, заказные убийства. Те, кто остался без работы, ринулись в столицу, оставив дома стариков и ставших беспризорными детей. Мальчишки сбивались в стайки и начали по-своему приспосабливаться к жизни. В школе отнимали деньги, которые родители давали ребятам на завтраки, а порой и кроссовки, куртки. Кто постарше, промышляли по электричкам и

торговым точкам. И если в музыкальной школе было этих безобразий все же поменьше, то в обычной средней школе Славик сразу стал объектом для издевательств, и уж совсем не приняла его улица. Яша первые годы провожал и встречал его, Славик стеснялся, потому что это было тоже поводом для насмешек, но все-таки защищало от обид и побоев.

А на улицу он без повода просто не выходил. Отец обвинял во всем родителей — «ваше воспитание, ваше сюсюканье». В чем-то был, пожалуй, прав, но она знала и другое... Есть такое понятие в психиатрии — виктимность, то есть почти predeterminedность быть жертвой в силу характера, особенностей психики и некоторых других факторов. Даже имя — не зря астрологи утверждают, что оно тоже накладывает свой отпечаток на всей судьбе. Хотели же Даней назвать, но вот угодили отцу, назвали Станиславом. Но не будешь же с детских лет его полным именем звать. Можно было бы, конечно, Стасом, но это тоже вроде по-взрослому, а Стасик недалеко от Славика.

А потом настал день, когда Яша сказал: «Аннушка, давай уедем. Стариков своих с сестрой я провожаю в эти дни. И для себя все решил тоже. Слово за тобой».

Она ответила, не раздумывая: «Нет». Возможно, это был страх потерять хотя бы то небольшое, что имела: квартиру, работу, а, возможно, подсознательно она все-таки была дочерью своего отца, для которого чувство родины оставалось незыблемо, и патриотизм где-то маленькими гвоздиками все-таки был вколочен в ее детскую голову. То, что Павел Станиславович не поедет, это было так однозначно, что ему даже не предлагали уехать.

Яша уговаривал, просил подумать о будущем — Анна ничего не хотела слышать. Но за день до отъезда Яши все-таки дрогнула. Обещала подумать, просила дать ей время. Гораздо лучше будет, если он уже как-то обустроится, а уж потом вызовет их. Муж был рад и этому. Но когда Анна в аэропорту, прощаясь, обняла его, бог знает по какому наитию поняла: навсегда...

Яша писал часто. И если слова о любви, о том, как тоскует по ней и сыну, согревали душу, то ничем другим порадовать муж не мог. Играет в подземном переходе на скрипке. Есть

продовольственная корзина — не голодает. Роза ухаживает за больной супружеской парой, где жена частично парализована, то есть кое-как передвигается, а муж вовсе не встает с постели. Но люди небедные, оттого и наняли в сиделки врача. Кстати, сами из эмигрантов первой волны, знают русский. Лучше всего устроились родители — социалка в Израиле на уровне, замечательные дома для престарелых. А еще уверял, что его в переходе слушают, здесь много ценителей хорошей музыки, оттого и платят...

«Подают, — уточняла для себя Анна. — Бедный, бедный Яша...»

Но вот опять кто-то из друзей, уехавших гораздо раньше и уже как-то обустроившись в жизни, подсобил и Яше, устроил его в ресторан. Все вернулось на круги свои. (Или чужие?) Правда, теперь он играл на скрипке.

Однако время шло, письма приходили реже и звучали (именно звучали, Аня всегда слышала в его словах музыку) как-то иначе. «Надо ехать, — убеждала себя Анна. — Что хорошего, мальчишка растет без отца». Да и сама даже не представляла как-то устроить личную жизнь, любила мужа. И вдруг все пошло прахом. Заболел отец, музыка в письмах звучала все глуше и глуше... А вскоре после самоубийства Павла Станиславовича получила письмо Розы: «Дотянула ты, Анька, дотянула! Да разве ж можно на столько лет расставаться с мужиком, даже таким, как Яша! Прибрала тут его одна. Господи, хоть бы из своих, из евреек, хоть бы родителям приятно было. А то крикливая хохлушка с тремя детьми. Приехала с мужем-евреем, здесь разошлась. Чего ехала — непонятно, ей бы сейчас в Россию на рынке торговать самое то... Аня, я не знаю, как это все у них случилось, ведь Яша тебя очень любил и любит. Как он тосковал все эти годы! Была у них однажды. Ужас! Дети такие же горластые. Она орет, они орут, и Яша со своей скрипкой и глазами побитой собаки... Если бы ты сейчас приехала срочно, все бы это еще можно было исправить. А так, вот увидишь, она постарается родить четвертого...»

— Бедный, бедный Яша, — Анна комкала в ладони письмо Розы. — Ничего уже не исправить, и никуда я не поеду...

Хорошо хоть Славик чем-то радовал. По крайней мере, так она воспринимала какое-то время перемены, происходившие с ним. Вечерами он стал выходить из дома погулять.

— А как же мальчишки, которые тебя обижали? — беспокоилась Анна.

— Все нормально, мама. Я с ними подружился. Вместе ходим на дискотеку и в лесопарк.

— Даже с Кузей?

— С Кузей тоже. Знаешь, они не такие уж плохие ребята. Да и я уже подрос, мама, и перестал быть слюнтяем. Могу постоять за себя.

И хоть Анна еще не решила — хорошо ли это, подружиться с Кузей, который был года на три постарше местной шпаны и верховодил ею, но и запрещать общаться с дворовыми сыну тоже не стала. Сколько же можно прятаться или приходиться домой избитым. В том, что сын ее не будет обижать более слабых и уж тем более воровать сумки у старушек, она не сомневалась. Правда, он как-то прохладней стал относиться к учебе, не сидел за компьютером и не играл часами на скрипке, ну да бог с ней, этой учебой. И так все годы отличник и в одной, и в другой школе. Запустит — наверстает потом.

Первый повод по-настоящему беспокоиться появился после звонка знакомого онколога, который наблюдал отца во время болезни и выписывал рецепты на наркотики. По мере их использования, когда шла за очередным рецептом, Анна сдавала пустые ампулы: наркотики были на строгом учете. И теперь доктор напомнил ей, что ампулы не сданы.

— Простите ради бога, Иван Семенович! — извинялась Анна. — Вылетело совершенно из головы. Я вам не просто ампулы верну, целая упаковка осталась нетронутая. Вы же знаете, как неожиданно все случилось.

И почему-то сделала неожиданное признание:

— У меня же еще одна беда — муж в Израиле женился... Сразу все навалилось...

После звонка сразу бросилась к шкафчику, где держала лекарство, чтобы положить в сумочку, но на месте его не оказалось. Постояла в недоумении, затем пошла в комнату отца. Может, оставила в прикроватной тумбочке, когда делала последний укол, но и там не было упаковки. Заметалась по квартире, стала рыться в ящиках письменного стола и ящиках

шифоньера — мало ли что сделаешь в суете и суматохе. Все бесполезно. Зачем-то открыла шкатулку, где лежали украшения, два золотых обручальных кольца, оставшиеся от отца и матери, да ее цепочка с кулоном, довольно дорогие серьги, подаренные ей родителями Яши, и его подарок — перстенок с изумрудом. Она была пустой...

«Значит, нас просто обокрали, — сделала Анна вывод. — Но кто, когда? Ни взлома, ни беспорядка не было. Значит, кто-то свой, во время похорон или поминок. Но ведь все были свои, на кого и подумать-то грех... Врачи, медсестры, с которыми проработала не один год, приезжали еще две пожилые супружеские пары из Москвы — сослуживцы отца с женами. Бред какой-то...»

Пошла с повинной головой к Ивану Семеновичу, выложила все как есть. Хоть режьте, хоть ешьте...

— Ну, подставила ты меня, Анна! Но ты хоть подумай, кто мог украсть. Взлома квартиры, как я понимаю, не было. Думай, Анна, это же не шутки.

— Да понимаю я. И думала так, что мозги чуть не свернула. Некому, все свои, нормальные люди.

— Постой, у тебя ведь сын? Не балуется?

Аня даже отшатнулась.

— Бог с тобой, Иван Семенович! Хороший мальчик, ему всего-то четырнадцать лет.

Славику вот-вот должно было стукнуть пятнадцать, но Анна намеренно назвала нижнюю цифру.

Иван Семенович помолчал, потер ладони и седые виски.

— Ну да, это я, наверное, зря. Что касается возраста, то, сама знаешь, есть и двенадцатилетние наркоманы. Но ты бы не могла не заметить, иначе грош цена тебе как психиатру. А тебя считают одним из лучших специалистов. В вашей больнице, по крайней мере. Ладно, я как-нибудь выкручусь, и давай никому об этом.

Слава богу, обошлось. Но она все гадала, куда исчезли наркотики. И вопрос онколога о сыне все-таки засел в голове как заноза. Какое-то неясное, смутное ощущение, однажды возникшее так, мимоходом, цеплялось за память и ускользало. Ах да, вспомнила! Однаж-

ды она зашла в зал, включила свет. Сын сидел в кресле с широко раскрытыми глазами, никак на него не отреагировал. А это что? Это называется заторможенная реакция зрачков на свет, которая бывает в том числе и... Додумать было страшно. Но наблюдать за Славиком она теперь стала очень внимательно. Заметила какую-то дерганость, сидел он чаще всего теперь, покачиваясь на стуле, иногда прихлопывая ладонями по коленям или подшвами об пол. И быстрая смена настроения, от подъема до упадка... И все же нашла способ успокоить себя: «Сейчас я невольно буду подтасовывать все симптомы». Так бывает с врачами по отношению к себе самому и своим близким. Хотя бывает и обратное: не веришь и не замечаешь, даже истолковываешь совсем иначе, потому что боишься. Дома было прохладно, ходил Славик все время в свитерах или водолазках, даже спал в футболке, и Анна все не решалась сказать: разденся и покажи мне руки. Попыталась хитростью:

– Славик, ты плохо выглядишь в последнее время, давай померяю давление. В твоём возрасте бывает гипертония, которая так и называется – юношеская.

Отказался:

– Не придумывай, мама!

И лишь когда началась самая настоящая ломка, поняла: самое страшное действительно случилось...

Раздела, сделала укол, чтобы остановить аритмию сердца, потом еще один, обезболивающий. Увидела, наконец, исколотые вены. Вызвала врача из наркологического отделения своей же больницы.

Теперь она знала, как это началось.

Однажды Славик вышел на улицу и направился прямо к пустырю, где обычно собирались подростки. Увидев его, кто-то крикнул:

– Кузя, смотри, кто к нам идет! Скрипка! Чего это он так осмелел? Давно не пуганный?

Но Славик подходил все ближе, чем даже озадачил мальчишек. Неспроста это он так в самом деле осмелел! А Славик, словно не замечая других, остановился возле Кузи, сказал ему, как равному, «привет» и вытащил из кармана упаковку с лекарством.

– Смотри, что я принес.

Прочитав название, Кузя присвистнул, выдохнув:

– Ни х... себе! – и посмотрел на Славика с интересом и даже вроде как с уважением. Кроме того, что-то просчитав в уме, решил, что добыча может быть не последней, он и самого Славика причислил к добыче.

– Молоток, браток! Спасибо, сейчас вместе будем кайф ловить. Или тебе слабо?

– Вообще-то, я только так, тебе подарить, – занялся Славик, но под пристальным взглядом Кузи молча снял куртку и задрал рукав свитера. Начало было положено...

Потом было два года кошмара, надежда сменялась отчаянием, а чувство вины отнимало последние силы. По больнице Анна ходила, не поднимая глаз, на пятиминутках сидела, втягивая голову в плечи. После одной из пятиминутков главврач попросил ее остаться.

– Анна, не мучайся ты так. Раньше, в советское время, тебя точно выгнали бы из больницы, да еще из партии, если бы ты в ней состояла. А сейчас всем на все наплевать. Работай как работала. Тебе без этого горя хватает. Да никто тебя и не судит, у всех свои заморочки...

А потом случилось то, что случилось. Пришла с работы и увидела сына сидящим в кресле без признаков жизни.

* * *

– Сергей Иванович! Прежде чем мы начнем беседу, я кое-что хочу вам сказать. Из встреч с вами, вашей женой и наблюдения за Сашей я сделала кое-какие выводы и хочу узнать, правы ли я. Первое: вы поместили сына к нам в больницу не потому, что считаете психиатрическую помощь необходимой, а потому, что источник стресса находится либо в вашем доме, либо в вашем окружении и вы боитесь рецидива.

Ваша жена откровенно боится встречи с сыном и его возвращения домой. Кроме того, оба вы явно угнетены и испытываете чувство вины, правда, каждый по-своему. Из всего этого следует, что кто-то из вас либо причастен к тому, что произошло с Сашей, либо знает причину попытки суицида. Вы зашли в тупик и обратились ко мне. Я готова помочь, но для

этого вы должны быть предельно откровенны, иначе вся эта затея не имеет смысла.

— Обещаю, что расскажу все. Мне самому необходимо и выговориться, и что-то понять... А вот с чего начинать, не знаю.

— С самого начала. Со своего детства.

— Что ж, это самое простое. Семья благополучная, родители работали в совхозе: отец — ветеринаром, мама — бухгалтером. Жили ладно, материально, по меркам того времени, обеспеченно. В школе учился хорошо, озорником не был, но и хлюпиком тоже, умел за себя постоять. Когда окончил школу, в семье решили, что я тоже стану ветеринаром, причем, так сказать, совхозным стипендиатом, что позволяло поступить вне конкурса, но и обязывало вернуться в родные пенаты. Я этому решению не противился, животных любил, к шумным городам не привык. В Москве жил не в общежитии, а у дяди, младшего брата отца. Тот был милиционером, но не простым, конечно, а подполковником, заведовал отделом на Петровке. Студенческие годы прошли тоже нормально. Часто ночевал в общежитии, появились друзья, случались и амурички с девчонками-однокурсницами. Но так, ничего серьезного. Невесту я приглядел в своем совхозе, когда приехал на летние каникулы после третьего курса. Забежал в библиотеку поздороваться с Елизаветой Николаевной. Сколько помню себя, она заведовала сельской библиотекой и нас, пацанов, к книгам приучила. Подхожу, а по ступенькам с крылечка спускается девушка, юная, красивая. И так плавно — как лебедушка. Что-то в ее облике было сказочное. Василиса Прекрасная... Глаза синие, лицо нежное, носик в веснушках. Высокая, ростом почти с меня, чуточку полновата. Спрашиваю: «Ты чья такая будешь?» «Дочка Елизаветы Николаевны я, Катюша. Да разве вы меня раньше, Сережа, не видели?» — улыбнулась, засияла вся, как солнышко. «Выходит, не видел. Или не разглядел. А сколько тебе лет, красавица?» — «Шестнадцать уже, семнадцатый пошел».

Выглядела она на все восемнадцать. Но я не растерялся.

«Послушай, Катюша. Я через два года институт окончу, вернусь сюда насовсем и женюсь на тебе. Ты подождешь?»

Катюша ласково так взглянула и очень серьезно ответила: «Подожду, Сережа».

Я подошел, поцеловал нежную упругую щечку и пошел в библиотеку.

Елизавета Николаевна мне обрадовалась, обняла, а я думаю: «Нестыковочка получается. Стара библиотекаря для такой дочки». И уже думаю, не сон ли это был? Спрашиваю напрямую, что за чудо-красу я только что встретил? Оказалось, Елизавета Николаевна ей бабушка, но, поскольку растила ее одна, родители у девочки погибли в автокатастрофе, то Катюша и зовет ее мамой.

«Елизавета Николаевна! А я ведь вашу дочку замуж позвал. Отучусь, ей как раз восемнадцать будет. Отдадите?»

«Отдам, Сережа. Семья у вас хорошая, ты парень добрый, так что и помереть будет не страшно. А Катюша с детства на тебя заглядывалась».

«Где же она на меня заглядывалась?»

И, не дожидаясь ответа, вспомнил — сидела в уголке за стеллажами какая-то девчонка с косичками, видно, уроки учила, но я-то на нее никакого внимания не обращал.

В общем, через два года сыграли свадьбу, и я привел в дом молодую жену.

— Вы чувствовали себя счастливым? — доктор пылливо вглядывалась в лицо собеседника. Уловила и тень сомнения, и неуверенность, — оттого и замедлился с ответом Сергей Иванович.

— Если честно, на крыльях не летал. Да скорее всего и любви огромной, всепоглощающей не испытывал. Но мне сравнить было не с чем. Странно, но я ни разу не влюблялся так, чтобы потерять голову, совершать какие-то почти безумные поступки. Скажем так: я был доволен. Катюша хороша собой, такая лапушка, от нее исходило чувство покоя, умиротворенности. А времена наступили трудные как в стране, так и у нас в семье. Отца разбил инсульт, он не вставал с постели, хотя речь восстановилась и разум его был ясным. Мама, всегда очень деятельная, общественница и активистка. Она и хор ветеранов организовала в свое время, и кружки по рукоделию вела, и чем только ни занималась, теперь была привязана к дому — отцу требовался постоянный уход. А ведь у нас, как у всех сельских жителей, еще и хозяйство было. И вот в этом плане Ка-

тюша пришлась не ко двору. Может, так уж изнежила ее своей любовью Елизавета Николаевна, а может, такой Катя была по своей сути, но делать она ничего не умела и не хотела. Мама сразу окрестила ее спящей красавицей. И действительно, медлительная, застенчивая, она жила какой-то своей жизнью, много читала и общалась, похоже, больше с героями романов, а реальная жизнь ее интересовала мало. Добрая очень, всех приветит, всем улыбнется, животных любила, жалела.

– Как складывалась ваша сексуальная жизнь?

– Вот и на этот вопрос непросто ответить. Катюша была ласковой, ей бы обняться, прижаться... Стихи часто читала в постели. Хорошие стихи... А само соитие ей, по-моему, и не нужно было, хотя мне всегда уступала, не противилась. Так что кипения страстей не было. Наверное, как у пожилых, уже ставших родными, супругов, которые спокойно и привычно наслаждаются друг другом...

Анна Павловна не задавала вопроса о том, как и когда исчезла из жизни Сергея Ивановича Катюша, знала, что прежде на сцене должна появиться Лика. Но собеседник ее явно мучился тем, как ввести новую героиню в пьесу, которая называется жизнь. Но вот, кажется, решился, глубоко вздохнул, сжал кулаки, но фразу произнес несколько неожиданную:

– Вот так, как подбирала Катюша бездомных собак и кошек, она и Лиду подобрала. Но об этом чуть позже.

«Еще не готов говорить о ней», — отметила про себя доктор.

– Совхоз наш разваливался, работы для меня здесь не было. И тогда отец, а он, повторяю, после инсульта сохранил ясный ум, сказал: «Сережа, хочешь остаться на плаву и встать на ноги — скупай землю. Сейчас тем, кто в совхозе не менее двадцати лет проработал, паи нарезают. Люди их будут, скорее всего, продавать за бесценок. Через несколько лет земля эта золотой станет, на ней и поднимешься».

Я это и сам понимал, но ведь нужны деньги. Те немногие накопления, что были у родителей, пропали после дефолта. Обещал помочь дядя. Поскольку детей в семье его не было, свою старость дядя и его жена Клавдия Семеновна связывали со мной, отношения между

братьями были теплые, и меня любили как сына. И тут так случилось, что у дяди умерла теща, после нее квартира осталась, а цены на жилье в те годы взвинтились едва ли не в одночасье. В общем, продали они квартиру, меня деньгами ссудили. Стал я паи покупать и только поражался, как прав был отец. Придешь к одинокой старухе, спросишь, не хочет ли продать пай, полученный от совхоза, если да, то за сколько, а в ответ: да сколько дашь, сынок. Я со своим огородом не управляюсь, сил нет, на что мне еще земля... Про алкоголиков и говорить нечего. Были такие, что и за ящик водки готовы отдать. Но я не нагнул. По крайней мере благодарили меня, даже удивлялись, что так высоко участок оценил. Хотя с совестью, честно признаться, в ладу оставаться было трудно. Вроде не обманывал, а все же обманывал...

В общем, крутиться начал, дома мало бывал, Катюша моя во Владимирский пединститут поступила, на филологический факультет. Учиться ей было легко, ее уже Елизавета Николаевна многому научила. Но матери моей помощницей так и не стала, пошли конфликты. Правда, односторонние. Мать ворчит, отец не вмешивается, а Катюша вообще вроде как и не слышит.

А теперь подхожу к самому главному. Как-то поехал я по делам в Москву, взял с собой жену, чтоб у дяди с тетей погостила. Но так получилось, что мне задержаться пришлось, а ее на электричке домой отправил. Вот тут-то все и началось, и случилось...

Катюша села на свободное место рядом, как ей показалось, с парнишкой, который забился в самый уголок, прямо вжался в него. Лица его Катя не видела, тот смотрел в окно, ни разу не повернувшись. Где-то на полпути Катя, почувствовав, что проголодалась, достала из сумки пирожок. Тетя всегда давала в дорогу что-нибудь перекусить. И тут ее странный сосед резко повернулся и так посмотрел на пирожок, что Катя чуть не подавилась. Она тут же растелила полотенчико, в которое были завернуты гостинцы, и пригласила попутчицу — теперь она поняла, что рядом сидела девушка — перекусить. Та просто накинулась на еду, но тут в вагон вошел контролер. Тогда заняла прежнюю позу — лицом уткнулась в окно, ноги поджала под себя и вжалась в угол. Катюша,

догадавшись о причине такой перемены, даже попыталась прикрыть ее, развернувшись боком, но контролер на эти уловки не повелся и потребовал предъявить билеты. Девушка никак на это не реагировала. Тогда контролер пригрозил, что сейчас пригласит милиционера, который находится в электричке, пусть проверит документы. Если они в порядке, то высадит на следующей станции, а если нет — сдаст в линейное отделение. Тогда безбилетница резко повернулась и стала сквозь рыдания выкрикивать, что ее обокрали, что нет ни денег, ни документов, что во Владимире у нее родня, а если контролер выведет ее из электрички, тут же под эту электричку бросится. Катя, добрая душа, расплакалась, заплатила контролеру и за билет, и поверх еще накинула и стала успокаивать девушку. Заодно спросила, действительно ли есть родственники во Владимире и где именно они живут. Попутчица ответила: да, есть, но адреса теперь у нее нет. Точно его не помнит, но, может быть, как-нибудь найдет...

Катюша совсем растерялась и решила для начала познакомиться, а потом уже неторопливо побеседовать. «Ли Кан, — назвалась девушка и добавила: — я китаянка». Катюша, не поняв толком, где здесь фамилия, где имя, предложила: «Давай я буду называть тебя Ликой. Ну, а меня Катей зовут. Теперь рассказывай все подробно, только не волнуйся».

И она стала рассказывать... Бог мой, я эту историю слышал несколько раз. Лика всё врала, всё, это только Катюша — святая простота, могла чему-то из всей этой ереси поверить. Ну, в общем, фабула простая, сюжет расхожий, на нем, кстати, строятся киносценарии времен революции и гражданской войны. Белоэмигранты, русская барышня оказывается в Харбине и выходит замуж за китайца, но в семье культивируется русский язык несколькими поколениями. Наконец русская барышня, дожив до весьма преклонных лет, умирая, просит праправнучку непременно посетить Россию, поклониться родным местам. Но как она это рассказывала! Не зная даже ни дат той же революции и гражданской войны, ни самих событий. Услыхала от кого-то и даже запомнить не смогла. Но на китаянку была похожа и

русский язык знала, хотя говорила с сильным акцентом. Что могла сделать в такой ситуации Катюша? Конечно, пригласить ее домой.

Эту картинку я представляю так, как будто сам при том присутствовал. Мать, конечно, увидев гостью, не удержалась, покрутила пальцем у виска, однако выгонять ее не стала, решила дождаться меня и предоставить самому разрулить ситуацию. С подобранными котятами и щенятами она поступала проще: уносила их на ферму, где они подкармливались и, как правило, выживали. А тут все же человек. Даже стала вроде как оправдываться: уж простите, дом у нас такой неприбранный, руки не доходят, муж болеет. Ей, конечно, плевать было на эту китаянку, все это говорилось для Кати, которая только улыбалась безмятежно.

«Мама, а чего бы нам с Ликой поесть горяченького?»

Мама, поджав губы, ставила на стол еду, а пока Катя с Ликой обедали, приговаривала: «Вот обоим уже месяц как купили, так и валяются».

Дом у нас действительно захирел. Раньше мы с отцом где подправим, где перестелем полы. Короче, всю мужскую работу делали, мать за порядком, за чистотой следила. Белили, красили — все сами, никогда никого не нанимали.

Лика, услышав про обоим, отреагировала неожиданно: «А зачем не делаете, если купили?» Вот именно так: не почему, а зачем.

«Так некому. Сын весь в работе, в разъездах. Сноха неумеха».

«Я сделаю», — сказала Лика, и мать тогда поняла лишь одно: ни сегодня, ни завтра уходить эта странная девушка не собирается. Зато когда я вернулся, а прошло-то всего три дня, просто не узнал своего дома, он весь светился.

Мать первым делом вызвала меня на веранду и заговорщицким шепотом поведала: «Слушай, Сережа, тут твоя благоверная девушку какую-то привела. Ну, я решила тебя дождаться, чтоб ее выпроводить. А теперь думаю, пусть живет. Верись, это не человек, это электрошетка какая-то. Работает без устали, не остановишь, все умеет. Похоже, идти ей некуда, может, будем ей чего-нибудь приплачивать да харчи, вроде как домработница».

Вздыхнула: «Сроду я сама управлялась, а сейчас

не могу. Если б хоть отец на ногах был. А твоя хозяйка, сам знаешь, никудышняя».

Сам я Лику эту еще не видел, она из сада пришла, когда мы с матерью уже за столом сидели. Красных роз нарезала, в воду поставила. Со мной поздоровалась и смотрит диковатым таким взглядом, и я почувствовал, как она волнуется и боится, что прогоню. Но мне-то зачем ее гнать? Мне только лучше: мать на Катюшу меньше наезжать будет. Поэтому улыбнулся приветливо, садись, говорю, будем знакомиться. Чисто из вежливости стал задавать вопросы: откуда, что привело ее во Владимир, и вот тогда наслушался этой галиматши, о которой уже рассказывал. Еле сдерживался от смеха от этого бреда ее и косноязычия. Мне она вообще смешной показалась. Катюша ей халатик дала свой – она раза три завернулась в него, пояском перетянулась. Ножки тонкие, ступни маленькие, ходила почему-то босиком. Я предложил по поводу украденных документов обратиться в милицию, а пока пожить у нас. Первое Лика пропустила мимо ушей, а второму предложению явно обрадовалась. Да и мы, мать особенно, довольны были. Однажды слышу, – отец с кем-то разговаривает на повышенных тонах, вроде как ругается. Матери с Катюшей дома не было, пошли проведать приболевшую Елизавету Николаевну. Захожу к отцу и застаю такую картину: Лика его перевернула и протирает пролежни на спине. Потом посадила на подушки. Откуда столько силы было в маленьком хрупком тельце, непонятно! И стала стягивать с него трусы. Отец мне: убери ее, позови мать. Я растерялся, а она так спокойно отцу: «А чего ты боишься? У тебя все такое, как у других мужиков. Я что, не видела? Только съезжилось, так ты же больной».

Ну, и навела ему полную гигиену. После этого раза стала полностью отца обихаживать, он привык и смирился. Брезгливости в ней не было никакой, а усталости, похоже, вовсе не знала. Всем нам как-то стало лучше, легче жить с этой Ликой, пока однажды...

– Ну что же вы, Сергей Иванович! Продолжайте. Я вам могу даже помочь: «Пока однажды она не забралась ко мне в постель». Так ведь?

– Так-то оно так, только не знаю, как мне все это рассказать женщине...

– Врачу, Сергей Иванович.

– Врачу, да. Но ведь и женщине. А не рассказать нельзя, потому что все именно с этим связано. Поверьте, что повода я никакого не давал, вообще не видел в ней женщину. Но однажды это случилось. Катюша уехала очень рано, чтобы успеть в институт к первой паре, мать еще спала, я тоже еще не встал, так как вернулся поздно и решил выспаться. Лика вошла ко мне в комнату неслышно, как кошка, и нырнула под одеяло. Что было дальше, просто не могу описать словами. Я еще ото сна не отошел, еще толком ничего не понял, как она уже сидела на мне. Сказать, что Лика была в сексе искусна, значит, ничего не сказать. Это такой накал страсти, это, черт возьми, почти акробатика, но главное, в это трудно поверить, что даже ее женское естество казалось мне каким-то иным, даже температура тела просто обжигала. У Лики не было ни начала, ни конца, а сплошной оргазм, от первого прикосновения до последнего. Да и я никогда не испытывал ничего подобного и даже представить не мог, что такое бывает... Потом Лика так же тихо выскользнула из комнаты. Я лежал весь измочаленный, не мог прийти в себя. Боялся, не встала ли мать, не заметила ли Лику, но, к счастью, все обошлось.

Поехал на ферму, что-то решал, говорил со строителями, которые занимались ее расширением и реконструкцией, а в голове только одно – ночное, вернее утреннее, происшествие, которое казалось теперь каким-то ирреальным. «А был ли мальчик...»

– И желание, чтобы был, не так ли? Вы желали, чтобы это случилось еще раз, и боялись, что не случится.

– Да, так все и было. За вечерним чаем я спросил у Катюши, рано ли ей завтра вставать, а то могу отвезти, мне тоже надо во Владимир. Катюша ответила, что нет, поедет сама, где-то часов в двенадцать, и мы невольно переглянулись с Ликой. Весь следующий день я провел в томлении, ночью почти не спал и ждал с нетерпением утра. Катюша уехала рано, но и мать почему-то поднялась чуть свет, я слышал, как она с Ликой о чем-то разговаривает на кухне, дает какие-то указания. Как потом узнал, она собралась в соседнюю деревню к

подруге-знахарке за травами для отца. Едва за ней захлопнулась дверь, как Ли́ка была уже у меня в постели, и все повторилось с еще большим накалом. В этот раз я хоть немного рассмотрел ее обнаженную. Грудь почти плоская, но темно-коричневые соски, пожалуй, как половина моего мизинца. И что совсем странно, вокруг них ободком волосики растут. Знаете, как бывают у женщин-брюнеток на верхней губе «усики». Ребрышки выступают — пересчитать можно, втянутый животик и от пупка тоже дорожка волосатая до самого низа, ну, понимаете... Вот такая красота...

Вскоре встречи стали и вовсе частыми. Она, Ли́ка, хитрой оказалась. Утром Катюша уедет в университет, Ли́ка завтрак приготовит, отца умоет, накормит, потом берет садовый инвентарь и идет во двор. Тут же обходит дом и тихо скребется в мое окно. Уходила тем же путем, и никто ни разу не застучал, но что-то уже витало в воздухе, в самой атмосфере, может, не так мы смотрели друг на друга или в голосе появились особые интонации, но мать все же что-то заподозрила, потому что однажды сказала: «Сережа, ты знаешь, я твою Катюшку не люблю. Она, как говорят, ни рыба ни мясо. Но насчет Ли́ки если что затеешь, я за себя не отвечаю. Я ее просто выгоню, в милицию сдам, пусть там разберутся, кто она такая, из какого Китая приехала».

Я чувствовал себя на краю пропасти. Потерял интерес к работе как раз тогда, когда дело пошло и надо было крутиться вовсю. С ужасом понял, что совершенно охладел к Катюше, более того, стал ею тяготиться. Но больше всего угнетал меня внутренний разлад с самим собой. Не знаю, как у вас по-научному определяется раздвоение личности, но я себе такой диагноз поставил. У меня уже мозги стали болеть от попытки разобраться во всем, что со мной происходит. Я влюблен в Ли́ку? Да боже упаси! Смешно, но я ни разу ее не поцеловал во время наших сексуальных баталий. И вообще, она же примитивна, как обезьянка, на которую порой так бывает похожа. В таком случае, кто же тогда я? Неужели самец — самое основополагающее, что есть во мне? Куда делся этот самый гомо сапиенс?

Что-то вы, доктор, долго молчите... ни вопросов, ни комментариев...

— Слушаю. А вам надо выговориться полностью. Так что продолжайте.

— В работу я все-таки включился, решил, что, возможно, в этом мое спасение. Но вскоре оказалось, что и здесь не смог обойтись без Ли́ки. У отца случился второй инсульт, после которого он даже не приходил в сознание. Мать сразу сникла, обмякла как-то. Ли́ка по утрам управлялась с домашними делами и шла на ферму. Как-то очень быстро вошла в курс дела, сама набирала гастарбайтеров и следила за их работой. Они ее слушались безоговорочно и даже, по-моему, боялись. Потом она так же набирала доярок, живущих в ближайших деревнях. В общем, помощницей стала просто незаменимой.

— Сергей Иванович! Вы сказали, что охладели к Катюше. Она понимала?

— Да, конечно. Я и старался быть к ней по-прежнему внимательным и нежным, но у меня это не очень получалось.

— Почему вы не произносите слово, которое более точно определило бы ваше отношение к жене: вы стали ею тяготиться.

— Мне трудно это выговорить. Ведь Катюша ни в чем не была передо мной виновата. Иногда возникали даже мысли о разводе. Но как я мог объяснить это людям, той же Елизавете Николаевне? Развожусь, потому что не любит мыть полы?

— Но, признайтесь, вы бы хотели, чтобы она исчезла из вашей жизни? Ну, по каким-то не зависящим от вас причинам?

Сергей Иванович молчал, уронив голову в ладони. Анна Павловна продолжала утвердительным тоном:

— Хотели. Знаете, китайский философ Ляо Цзин сказал: «Будьте внимательны к своим мыслям, они начало ваших поступков». Есть чуть более вольный, а может, более точный перевод: «Бойтесь своих мыслей, они имеют привычку превращаться в поступки». От себя добавлю: если мысли эти крамольные, а поступок, сформировавшийся из них, не что иное как преступление, то его совершает иногда другой человек во имя любви. Берет грех на себя. И я уже предполагаю, что случилось и кто решил положить голову на плаху во имя любимого. А вы подумайте над этим. Мы продолжим разговор в ближайшие дни, но я хочу задать вам

несколько вопросов, над которыми вы тоже будете думать, и подведу некоторый итог сегодняшней беседы. И над этим вы тоже подумайте, прежде чем мы встретимся в следующий раз. Катюша было доброй — это однозначно; взять хотя бы случай с Ликой, когда она пожалела девушку и привела ее в дом. Но то, что именно Лика стала ухаживать за вашим отцом, чужим для нее человеком, — это разве не пример доброты и милосердия? И так ли уж она примитивна, если быстро разобралась в вашем бизнесе и смогла создать его вместе с вами? Она невоспитанна и необразованна, но это не предполагает глупости и примитивности. Я ничего не знаю о ее прошлом, потому что у меня не было возможности узнать, но и вы не знаете, только по другой причине: вы не хотели ничего знать, довольствуясь тем, чему не верили ни на йоту. Ведь так? Вы боитесь признаться себе в том, что любите Лику. Да не дергайтесь, Сергей Иванович, и не вскакивайте со стула. Если вы сейчас уйдете, то больше я с вами беседовать не стану, так что будьте мужчиной. Ничего особенного в вашем случае нет. Любовь по сути не поддается определению, и графу Калиостро так и не удалось вывести формулу любви... А как ее можно вывести, если любят чаще не «почему-то», а «вопреки». Вы Катюшу не любили, вы ее выбрали в жены: красивая, непорочная, добрая. И убедили себя в том, что это любовь. А это был брак по расчету. Кое в чем просчитались, но это уже не вина Катюши. Просто вам не хватило жизненного опыта и вы еще не умели хорошо считать. Когда же пришла настоящая любовь, она оказалась не столь удобной, непонятной, вы испугались ее, но и отказаться не смогли...

Впрочем, на сегодня достаточно. Хочу вас успокоить: никакого раздвоения личности у вас нет, все, что с вами происходило и происходит, вполне укладывается в бремя страстей человеческих. Вам нужен психолог, в качестве такого я и буду работать с вами.

* * *

Анна Павловна шла домой быстрым шагом, даже пожалела, что отказалась от предложения Сергея Ивановича подвезти ее. Очень хо-

телось курить. Она никогда не курила ни на работе, ни на улице, пристроившись где-нибудь на лавочке. Только вечером, только дома, и организм требовал своего. Торопливо открыла дверь и, изменив своим привычкам, на кухне сразу же выкурила подряд две сигареты. Затем налила стакан водки, пожарила яичницу, что тоже было как бы отклонением от ритуала, и лишь после этого пошла в зал. Выпила, как всегда, залпом, яичницу съела вроде как с удовольствием, и это тоже было не совсем обычно. На улице поднялся ветер, раскачивая фонари и деревья. Силуэт сына в кресле напротив привиделся расплывчатым, нечетким, иногда казалось, что исчезает совсем.

«Не уходи, Славик!» — попросила она, закрывая глаза, и услышала звуки скрипки. Кто играл? Яша? Славик? Неважно. Это была их музыка... Кажется, задремала. Встала, встряхнулась, включила свет. Надо переодеться, влезть в халат, принять душ, но вставать не хотелось. Достала из кармана конвертик с деньгами, который вручил ей Сергей Иванович. Даже не заглянула в него — сколько там? Да сколько есть. Она и зарплату свою не успевала тратить, а тут то благодарности, то «левые» гонорары. Этот конвертик она заработала как раз под рубрикой «чужую беду руками разведу». Но, может быть, и разведет. Уж слишком близко к сердцу она приняла эту семью. Ей симпатичен Сергей Иванович, хотя многое ей в нем не нравится. Тут же усмехнулась: какая вывернутая фраза, если ее сказать вслух или написать на бумаге... Здоровый, красивый мужик, а ведь слабый, даже беззащитный, боится жизни, боится сам себя. А может, потому и нравится? Яшу ведь тоже не назовешь сильным человеком, он тоже слабый... Укладывая конвертик в верхний ящик отцовского письменного стола, где уже лежало несколько таких же, вдруг подумала: «Вот это надо обменять на доллары и отправить Яше. Пусть кормит своих горластых пасынков...» И ей как-то стало легче на душе. Анна Павловна села в кресло, стала курить. Теперь мысли ее переключились на Сашу. Вспомнила, как на днях он спросил ее про старика астрофизика, — почему того не было на прогулке. Анна помедлила с ответом. Старик на

днях умер от сердечной недостаточности. Но стоит ли говорить об этом Саше? Может, сказать, что дети, вернувшись из отпуска, забрали отца домой? Но Саша уже заметил ее колебания, взгляд его стал настороженным, и Анна решила сказать правду. Ведь он мог узнать о смерти старика от какой-нибудь санитарки или больных, которые лежали в соседней палате и могли видеть, как его увозили. Тогда Саша просто перестанет ей верить. Сказала как есть. Он расстроился, чуть не заплакал.

— Как жаль, Анна Павловна... Жаль, что он умер, а еще жаль, что я не успел поговорить с ним.

— Конечно, жаль, Саша, когда человек уходит из жизни. Но поговорить с ним тебе вряд ли бы удалось. Он ведь был не совсем вменяем и хотя лежал у нас неоднократно, никто не слышал от него связной речи. Одно и то же: «Откройте форточку, господа!»

— Нет, Анна Павловна! Мы уже однажды разговаривали, и это было очень интересно. И он собирался что-то важное рассказать мне на следующей прогулке.

Анна Павловна пристально всмотрелась в лицо своего юного пациента: врет? Нет, не похоже. Но как же...

А Саша, уловив ее недоумение, продолжил:

— Анна Павловна! Он больше не говорил ни с кем, потому что никто его не слушал и не слышал. И никто не спросил: а как ее открыть и где она? А я спросил...

— И что же он, ответил?

— Нет, не успел. Санитар увел его в палату. Но он обещал, что расскажет мне все в следующий раз.

— Саша, это не мой больной, я его не вела, поэтому никаких дополнительных сведений, к сожалению, дать не могу. Зато тебя могу порадовать: к концу недели выпишем.

Не обрадовался, чего Анна Павловна и боялась, хотя ожидала. Как пройдет его возвращение домой, больше зависит от его родителей, чем от врача. Посмотрим, что даст второй раунд. В первом она была резковата, почти положила на лопатки. Но в этом, как считала, была необходимость.

* * *

— Сергей Иванович! Вы ведь опоздали, невежливо по отношению к врачу и женщине, как вы считаете? Долго думали — идти или нет?

— Вы правы. Я уже подъехал, потом развернулся... Не знаю, можно ли здесь применить поговорку насчет сора, который из избы не выносят... Но у меня появились сомнения, даже страх навредить своим близким...

— Знаете, в клятве Гипократа есть основополагающие слова: не навреди... Так что оставьте свои страхи, садитесь, и начнем наш разговор.

— Где-то год можно пропустить, потому что все шло как шло. Работал много, в паре с Ликой, Катюша без труда изучала педагогические науки. Вечером ложился спать с Катюшей, утром в нашу постель забиралась Лика. Если не считать нравственных мучений, чувства вины перед всеми тремя женщинами — матерью, которую все понимала, но ничего уже не говорила, Катюшей, которую я обманывал. А она то ли в самом деле ни о чем не догадывалась, то ли приняла все как есть, и перед Ликой. Это, кстати, я только после разговора с вами понял, которая любила меня, ничего не получая взамен. Разве что тяжелую работу.

Весна в том роковом году была ранняя, в апреле солнце за двадцать уже пригревало, и наши сельские бабы стали в лес за клюквой ходить, той, что зиму перезимовала и теперь ярко выглядывала сквозь пожелтевшую прошлогоднюю траву и торф. У нас ее называли клюква-веснянка, а то еще и веселянка. Действительно, весело после длинной зимы вдруг спелую ягодку увидеть. И стала Лика меня с Катюшей звать в лес. Говорит, что клюкву первый раз попробовала, когда доярка наша ее угостила, и в лесу никогда не была. Я тогда, помню, спросил: «Что же в Китае ни лесов, ни клюквы нет?»

Она пожалала плечами: «Может, и есть, но там, где я жила, не было».

Я, конечно, сослался на дела, а Катюша, моему, пожалела Лику: ведь та никогда ни о чем нас не просила. В общем, собрались в лес по ягоды. Лика сказала, что расспросила у женщин, как ехать, на какой остановке электрички выйти, и якобы даже договорилась, что

с ними поедут еще две женщины. Это был выходной день, ушли они чуть свет — и я, и мать еще спали. Где-то к обеду ждали, что вернуться, но они не вернулись и к вечеру. Я пошел искать женщин, которые собирались ехать с нами, искал почти до ночи и, представьте, нашел. Действительно, собирались они за клюквой, да у одной ребенок заболел, у другой муж напился, всю ночь буянил. Так она к матери подалась, не до клюквы было.

Спать мы с матерью так и не ложились, уже не сомневались, что случилась беда. Одно к одному, как это часто по весне бывает, ночью резко похолодало, пошел снег. А я отправился сначала в милицию, потом по знакомым охотникам. Начинали искать от той станции, где предполагается они должны были выйти, в лесу разделились на группы, стреляли в воздух, кричали, пытались найти хоть какие-то следы, и ничего. Да и что можно найти, когда снег уже покрыл землю. Поиски не прекращались неделю, а на восьмой день Лику нашли уже почти на выходе к трассе, в тридцати километрах от того места, где мы начинали поиски, два мужика, отправившиеся в лес дровишек подрубить. Она была без сознания, вся искусанная комарами, с распухшим посиневшим лицом. Отвезли ее в районную больницу, документов при ней, понятно, не было, но, когда пришла в себя, сразу назвала наш адрес, и мне позвонили. Я приехал, забрал ее, врач сказал — сильное переохлаждение, истощение, а так вроде все нормально. Кормить часто, но понемногу, горячее питье, постельный режим. У себя они ее держать не собирались: ни паспорта, ни полиса. Но, конечно, если бы была необходимость, я бы договорился, оплатил лечение. Еще по дороге начал спрашивать, где Катя... Она только головой мотала и еле слышно, сквозь зубы: «Я не знаю, мы потерялись...»

Катю продолжали искать, а на Лику накинулись следователи. Как шли, куда, что заметила по дороге, не встречали ли кого. Все, что она рассказала, звучало так: мы заблудились, хотели выйти из леса, у нас никак не получалось. Катя сказала, что устала, идти больше не может, и села на поваленное дерево, а я решила найти тропинку, по которой мы шли...

— Какое это было дерево? Дуб, береза, сосна?

— Не знаю, оно было старое, сухое, без листьев. Я вообще плохо знаю деревья.

— Вы вернулись к Кате, когда поняли, что не нашли дорогу?

— Да, но ее там не было.

— А вы уверены, что вернулись к тому же дереву?

— Нет, не уверена.

Мне следователи тоже потрепали нервы насчет Лики: почему так долго живет без регистрации. Объяснил, что привела ее в дом жена, у девушки украли документы и деньги. Нам нужна была сиделка для отца, и мы ее оставили. «Почему не обратились в милицию?» — «Она сказала, что оставила заявление в линейном отделении на Курском вокзале, где и произошла кража. Но я не проверял».

Про родню из Харбина и всю эту ерунду, конечно, не сказал и ей не велел. Досталось и нашему участковому Петру Александровичу — куда смотрел, человек без регистрации живет! А куда он будет смотреть, если он мой одноклассник?

Навещал Елизавету Николаевну, успокаивал как мог. Вот, мол, Лика нашлась, и Катя найдется непременно. Она молча кивала, то ли соглашалась, то ли благодарила за участие, пока однажды не сказала: «Сереза! Я знаю, что Катеньки нет в живых, и ты тоже это знаешь. Не надо ко мне ходить».

Я прямо отшатнулся, глядя на нее с ужасом, а она на меня спокойно и печально. Только повторила: «Иди, Сереза...»

И пошел я, дороге под собой не видел. Вспомнил, как сватался и как она сказала: «Женись, Сереза, мне тогда и умирать не страшно будет...»

— Сергей Иванович! А у вас никаких подозрений в отношении Лики не возникло ни разу?

— Да как вам сказать. Нет-нет да и подумается о чем-то таком, только додумывать страшно. И тут же контраргументы находишь. Ведь эти женщины, доярки, действительно собирались идти за клюквой. Ну, если бы Лика чего-то плохое задумала, зачем бы она их звала?

— Согласна. Но иногда преступления, самые тяжкие, совершаются спонтанно. Впрочем, мы ее как будто обвиняем в исчезновении Катюши, хотя никаких доказательств для этого и милиция не нашла, так ведь?

— Да, не нашла. Гроза в нашем доме разразилась, когда из Москвы приехал мой дядя, брат отца Юрий Николаевич. Не знаю, чем бы закончилось лично его расследование, если бы не одно обстоятельство, предшествующее его приезду. Зашел я к Лике в комнату, спросил, как она себя чувствует. А она мне: «Уже хорошо, Сережа, завтра работать пойду. Хватит, отлежалась».

Я стою и соображаю: что-то в ее словах не то, а что, никак не пойму. Потом дошло. Лика по имени меня никогда не называла. Я вам не говорил? Только хозяин, а мать — хозяйкой. Только Катюшу по имени звала. И пока я соображал, чего это Лика вдруг на Сережу перешла, она меня совсем озадачила: «Мне правда хорошо, я только за ребеночка боялась, а он ничего, живет».

Подумал, бредит, крыша съехала после всего пережитого. И так спокойно, почти ласково говорю: «Лика, с вами не было никакого ребеночка. Только вы с Катюшей».

А она улыбается и себя по животу ладонью гладит. Меня как по башке шарахнуло. Катя почему-то не беременела, хотя мы не предохранялись. Но ни я, ни она этой теме не затрагивали. Успеем. Так даже лучше: Катя институт окончит, на ноги встанем. Я сел рядом с ней на кровать, что сказать, как повести себя — не знаю, растерялся. Спросил: «Давно это?» — «Четыре с половиной месяца, Сережа...»

Представляете, половина срока, а даже видно не было, правда, я особо не приглядывался. Когда сказала, посмотрел: да, действительно, чуть-чуть округлилась...

Вышел в сад, сел на скамейку, закурил, голова кругом идет.

— И невольно подумали: может, и кстати, что Катюша пропала...

— Анна Павловна! Что вы из меня монстра делаете? Я к вам за помощью, а вы... Прямо как садистка, а не врач. Вам непременно нужно вывернуть меня наизнанку?

— Мне, собственно, нет. Вам нужно... По себе знаю, потому что и себя не щажу.

— Знаете по себе? Да неужели и вас жизнь ловила в такие силки?

— Еще как ловила. Но не будем обо мне. Продолжайте свой рассказ.

— В общем, когда дядя приехал, я уже знал о

беременности Лики. Дядя Юра все еще работал на Петровке, хотя уже выслужил пенсию. Коротко расспросил о происшедшем, затем скомандовал: «А ну зови сюда свою жилищку!»

Я предупредил, что она еще плохо себя чувствует, на что тот ответил: «Ничего с ней не случится». Но тут же передумал: «Ладно, не надо звать. Пошли к ней сами».

Мы вошли в комнату, Лика тут же села на кровати и завернулась в одеяло.

Дядя зыркнул на нее глазами и приказал: «Вот так и сиди, не шевелись. Мы тут у тебя маленький шмон сделаем. Знаешь, что такое шмон, нет? В тюрьме еще не бывала? Ну, ничего, у тебя все впереди».

Я пытался воспрепятствовать, но он на меня стал кричать: «Тебе что, ордер нужен и понятых? Так сейчас один звоночек, и все будет. Где тут ее вещи?»

Да какие, говорю, вещи, у нее ничего с собой не было.

Комната, в которой мы поселили Лику, у нас раньше называлась кладовкой. Стоял старый шкаф, кажется, такие называли буфетами, в нем — посуда, которой редко пользовались, еще доска гладильная да старая кровать. Лежали на полу сложенные тоже за ненадобностью старые коврики и еще какая-то рухлядь. В этом шкафу освободили одну из нижних полок для вещей Лики, которые ей прикупила Катюша. Я распахнул дверцу и показал дяде все ее имущество.

Дядя Юра тут же подошел к шкафу и стал вынимать все, что там лежало. А там и было — пара кофточек, футболка да нижнее белье — трусики и колготки, лифчиков она не носила. Осмотрев каждую вещичку, дядя бросал ее на пол, затем присел на корточки и стал обследовать рукой дно буфета. Я по лицу его понял: что-то нашупал... И действительно, он вытащил оттуда паспорт. Серпастый-молоткастый. То есть советский. Раскрыл его, внимательно поглядел на фотографию, затем на Лику. Довольно хмыкнул, проворчал: «Сыщики, мать их... Живет тут, понимаешь, невесть кто, а они досмотр вещей даже не сделали». И, еще раз заглянув в паспорт, тоном, обещающим ничего хорошего, произнес: «Ну, давай, Гульнара Азизова, гостя из солнечно-

го Узбекистана, одевайся и выходи вслед за нами, знакомиться будем».

Мы вышли в зал, молча закурили. Разволновалась мама: что случилось?

«Скоро узнаешь, сиди, слушай и смотри. Деятивы любишь?»

Тут вошла Лика, бледная, с застывшим лицом. Дядя показал на стул, стоявший напротив него, она покорно опустилась.

«Сейчас я буду задавать вопросы, а ты будешь отвечать, и не вздумай врать, иначе тут же окажешься в КПЗ. Думаю, ты и так там окажешься, но мне сначала хочется самому кое в чем разобраться».

Начался допрос.

Дядя зачитал все паспортные данные вслух: «Здесь все верно?»

«Да».

«Почему ты представилась китайкой?»

«Потому что я китайка. Уйгурка. Так называются китайцы, которые давно живут в Средней Азии. Старики говорят, где они жили, те национальности и писали в паспорт. В Киргизии — киргизами, в Узбекистане — узбеками. Язык свой мы тоже забыли, почти все. Но я все равно китайка».

«Ладно, китайка. Как попала в Москву?»

«Один человек звал девушек из нашего кишлака, которые танец живота умели танцевать, в Москву работать. Я хорошо танцую. Сказал, много денег будут платить. Хотела матери помочь, у нее семеро детей, я старшая».

«Ну и как, много заработала?»

«Совсем ничего».

«Чем же занимались девушки, с которыми ты жила?»

«Спали с мужчинами».

«Значит, ты попала в бордель?»

«Не знаю. Нам такого слова не говорили».

«Кто у вас был главный?»

«Толстый китаец. Как зовут, не знаю».

«Почему ты назвалась Ли Кан?»

«Со мной девушка жила, она правда из Китая. Очень хорошая девушка. Мы хотели сбежать с ней вместе и найти родных, у нее были русские родные».

«Почему же она не убежала?»

«Ее убили».

«Может, ты и убила?»

«Нет. Зачем? Она хорошая была. Ее один мужчина задушил».

«Откуда ты знаешь? Видела?»

«Нет, но он всех душил, ему от этого хорошо было. Но многие девушки живые оставались, а ее совсем задушил».

«Почему ты это утверждаешь?»

«Потому что видела, как ночью ее завернули в одеяло и увезли на машине».

«Зачем же все-таки ты назвалась ее именем?»

«Думала, может, как-нибудь нечаянно найду ее родных и скажу, что я Ли Кан. Но я все перепутала, забыла. А потом Катюшу встретила, она привезла меня сюда».

«А ты заманила ее в лес и убила в благодарность, да?»

«Нет, мы потерялись...»

Долгим и изнуряющим был этот допрос. Наконец дядя распорядился: «Собирайся, поедем со мной в милицию». Лика безропотно пошла в свою комнату-кладовку, и тут я дяде сказал: «Никуда Лика не поедет. В то, что она что-то сделала с Катюшей, не верю, ведь она сама еле живая осталась. Что было в прошлом, меня не интересует. Но она беременна, и я не хочу, чтобы мой ребенок родился в тюрьме».

«Твой ребенок?» — дядя ударил кулаком об стол, потом у него даже дыхание перехватило. Он молча метался по комнате, пока наконец не выговорил:

«Ну ты козел! Нет, хуже — идиот! Куда тебя понесло от красавицы жены? Совсем мозги потерял? В общем, так, от ребенка освободим, договаривайся в больнице, а дальше все на тормозах спустим, пусть убирается ко всем чертям собачьим. Иначе пробью по всем параметрам. И бордель отыщем, и толстого китайца, и того, кто убил настоящую китайку».

«Нет, дядя Ваня. Ребенка она родит, а ты правдами-неправдами добьешься для нее российского гражданства и паспорта».

Он подошел ко мне, поднес фигу к носу: «А это видел? Не будет по-твоему».

«Ладно, — говорю, — но если по-твоему будет, то ты мне больше не родня. Деньги, что занимал, выплачу, на том и расстанемся...»

И тут только Сергей Иванович заметил, с каким удивлением смотрит на него доктор. Лицо ее, утомленное от долгого слушания, оживи-

лось, в глазах появился неподдельный интерес. Он помолчал, сам удивленный таким преобразованием, а Анна Павловна сказала:

— Наконец, Сергей Иванович, я слышу речь не мальчика, но мужа. Признаться, несколько неожиданно. И приятно. Так что же вам сказал дядя?

— Пошумел еще немного, на мать накричал, она ведь все это время сидела с нами, плакала, но не вмешивалась, а потом обещал все уладить. Правда, с оговоркой: «если не замешана в криминале». Я ведь вам говорил, что детей у него не было, кроме меня — ни одного родного человека. Только спросил: «А как Катюша найдется?»

Ответа на этот вопрос я сам не знал. Только надежды, что она найдется живая, практически не было. Прошло почти три недели.

— Ну, что ж, Сергей Иванович, на сегодня, наверное, довольно. В следующий раз нам предстоит самое трудное — решить, как помочь вашему сыну вернуться домой.

* * *

Лица лежала, свернувшись в комочек, в своей комнате. Она слышала, как ругался Сергей со своим дядей, и поняла главное — в милицию он ее не отдал. Но, может быть, прогонит из дома сам. А может, захочет поговорить. Он никогда с ней не разговаривает, только по делу или, наоборот, совсем уж о пустяках. Никогда у Лики не было человека, с которым она могла бы поговорить. Разве что китаянка Ли, но ее уже нет на свете. Да и что ей было рассказывать из своей убогой, жалкой жизни!..

Если ты старшая дочь в мусульманской семье, то должна нянчить и растить всех братьев и сестер. А если ты еще некрасивая и хороший калым за тебя никто не даст, значит, жди, что отдадут за старика или какого убогого.

Лучше всего жилось Лике, которую звали тогда Гулей, в школьные годы. Она училась в русской школе, быстро решала задачки и получала пятерки по математике. По русскому языку отставала, дома говорили только по-узбекски. После шестого класса отец в школу не пустил. Мама рожала детей почти каждый год. Сестра Наргиз на два года младше Гули, а потом народилось еще пятеро братишек. Наргиз

была красивая, говорят, как мама в молодости. Только теперь мама стала толстая, а огромные груди у нее висели почти до пояса. А Гуля похожа на отца, он маленький, и лицо у него плоское, как лепешка. К Наргиз уже сватались из хорошей семьи, когда ей было только четырнадцать лет. На Востоке привычное дело — свататься заранее, но отдавать младшую сестру раньше старшей принято не было.

Сколько помнит себя Гуля, она нянчилась со своими братишками. Летом хорошо — она мыла в арыке пробегавшим по двору ребятам обкаканые попы, стирала грязные пеленки, утирала сопливые носы. Но были в ее жизни радости.

Гуля любила работать в саду, а главное — выращивать розы. Рано утром срезала самые красивые, приносила в дом и ставила в тяжелый глиняный кувшин. Правда, до вечера они обычно не достаивались, кувшин опрокидывали малыши. Тогда она вытирала с пола воду, поднимала пустой кувшин, а утром приносила свежие розы. Отец тоже любил цветы, но другие, которые росли за оградой на заднем дворе — яркие крупные маки, тоже очень красивые, но они не пахли, как розы. Отец сам ухаживал за ними, а потом собирал и сушил. Иногда из сушеных корбочек заваривал чай, который называл кукнар, пил его и становился веселым и добрым, а потом долго-долго спал. Если у кого-то из малышей болел живот, он делал из тряпочки соску, макал в этот чай и давал им. После этого малыши тоже долго спали, а животики переставали болеть, понос тоже прекращался. Когда сушеных головок мака набиралось много, за ними приезжал к отцу какой-то человек и давал ему деньги. Наверное, он тоже любил чай-кукнар или был доктором и лечил малышей.

И уже совсем праздником для Гули и ее сестры считались те дни, когда они могли на час или два отпроситься из дома погулять с малышами на берегу речки, а сами шли в конец махалли в гости к Биби-Ханум. Эта старая женщина когда-то жила в Бухаре и была настоящей артисткой-танцовщицей. Семьи у нее не было, а соседи не любили старушку и называли плохим словом, потому что одевалась она совсем не так, как принято одеваться мусульманским женщинам, сильно сурьмила глаза, а еще красила щеки и губы. Зато девчонки ее любили:

потихоньку приходили к ней учиться танцевать. Биби-Ханум надевала свой старый наряд, в котором когда-то выходила на сцену, — шаровары, прозрачную кофточку и тонкую прозрачную чадру, и начинала танцевать совсем как молодая. Малышей усаживали в саду на расстеленные курпачи, Биби-Ханум давала им фрукты и конфеты, а Гуля с Наргиз и другие девушки, которые учились танцам, старательно повторяли каждое движение своей учительницы. Больше всех Биби-Ханум хвалила Гулю и никогда не говорила ей, что она некрасивая.

Однажды, когда сестры возвращались домой от Биби-Ханум, Наргиз шепнула Гуле: у меня есть большой секрет, я расскажу тебе вечером, когда уложим братишек. Только поклянись, что никому не скажешь. Гуля поклялась, хотя ей и рассказывать было некому, с ней особо никто и не разговаривал. Еле-еле дождалась вечера, никак не могла догадаться, что за секрет у сестры, если они целый день на виду друг у друга, а та только таинственно улыбалась. Наконец настал долгожданный час, дом затих, девушки вышли в сад пошептаться.

— Я завтра утром уеду в Москву навсегда, стану артисткой, как Биби-Ханум.

— Наргиз, с кем ты уедешь? Разве тебя отпустят родители?

— Мы ничего им не скажем. Ты же знаешь Икрама, который приходит к отцу покупать мак? Позавчера он мне шепнул, чтобы я вышла за ним через час, а он будет ждать возле речки. Я сначала отказалась, вдруг кто-нибудь увидит меня рядом с мужчиной, но Икрам очень просил, сказал, что будет стоять за большой ивой, его никто не заметит. Тогда я взяла ведра и пошла за водой. Потом остановилась возле ивы, на речке никого не было. И он рассказал, что красивых девушек один человек отвозит в Москву, там есть такие... ресторан называется. Помнишь, мы видели в кино по телевизору.

Телевизор Гуля смотрела очень редко. Он стоял в комнате отца, и они с Наргиз заходили туда только в его отсутствие. Кроме того, была слишком занята домашней работой. Но кое-что все-таки удавалось посмотреть. Ресторан — это очень красиво, и люди туда ходят тоже красивые и богатые.

— Девушкам, которые там поют и танцуют, дают много денег, а хозяин тоже деньги платит и покупает красивую одежду, как у Биби-Ханум. Гуля, мне надо ночью, в три часа, опять прийти к речке, там будет ждать машина. Только часы надо взять у отца потихоньку, а то как я время узнаю?

— Ладно, — сказала Гуля, — часы я у отца сниму с руки, он крепко спит, кукнару напился. А мы давай посидим с тобой сегодня подольше, а то, может, не увидимся.

То, что сестра не должна поехать, Гуля решила сразу. Наргиз еще маленькая — пятнадцать лет только, глупая. Да и зачем ей ехать? Она красивая, у нее уже есть жених из хорошей семьи, большой калым за нее заплатят. Сказать родителям нельзя — отец убьет. Надо поехать ей самой, ничего хорошего здесь в кишлаке ее не ждет. А в Москве, может, и повезет, танцует-то она, правда, хорошо.

Как и ожидала Гуля, отец не проснулся, и она не только сняла часы, но и налила из кувшина большую пиалу кукнара, другую такую же наполнила зеленым чаем и вынесла обе в сад. Ту, что с кукнаром, подала Наргиз. Та, сделав пару глотков, все-таки заметила странный вкус.

— Пей, — успокоила Гуля, — это я сегодня в чайник райхон и мяту положила, заварки совсем мало было.

Когда пошли спать, Гуля предложила:

— Часы отдай мне, я тебя разбужу. А то ты проспишь, ты спать любишь.

— Да, — кивнула Наргиз, улыбаясь счастливой и глупой улыбкой. — Мне уже сейчас спать хочется.

Утром надела национальную одежду: цветные шаровары — изоры, атласное платье, Гуля накинула также платок, оставив открытыми только глаза, как и положено восточной женщине. Тихо выскользнула из дома и направилась к речке, где росла большая ветвистая ива. Икрам довез ее до Ташкента, так и не заметив обмана, а потом пересадил в другую машину «Газель», где сидели еще четыре девушки, и уже другой мужчина повез их в Москву. Не в ресторане, а в подвале полуразрушенного здания на окраине столицы оказалась Гуля, в самом дешевом притоне. Там было сыро, грязно, воду откуда-то привозили, электричество, правда, было. И ходили в этот

притон тоже грязные, пахнувшие потом и перегаром мужчины. Только один приезжал на дорогой машине, был чистый, хорошо одетый, но он душил девушек. Командовал всем толстый, очень толстый китаец. По-русски он говорил так хорошо, что если на него не смотреть, то можно было принять за русского.

Гульнара ему не понравилась сразу. Он выговаривал узбеку, который их привез. Куда смотрел? Откуда такую взял? Одни кости, худая совсем.

— Какую Икрам дал — такую и привез, — оправдывался узбек. — Есть мужчины, которые худых любят, я знаю. Худые выносливые, толстая столько не выдержит, сколько худая. У узбеков есть пословица: сухой саксаул ярче горит, сильнее греет.

Разговор этот велся в присутствии Гули, и она решила сама заступиться за себя.

— Я буду стараться, хозяин. Я хорошо могу танцевать, училась у настоящей артистки. Особенно танец живота у меня получается.

Китаец долго смеялся, потом сказал, вытирая слезы, выступившие от смеха:

— Это хорошо, старайся. А танец живота будешь под мужчинами танцевать. Думаю, что это им понравится, — и опять громко расхохотался.

Гуля относилась к жизни философски, хотя вовсе не мыслила такими категориями, да и слово «философия» не знала. Она не противилась судьбе, но умела выдерживать ее удары. Вот и тогда она смирилась со своей участью, даже радовалась, что спасла сестру. И еще сказала себе: если так случилось, что это ее работа, значит, она будет делать ее хорошо. Китаец обещал, что заплатит много денег, когда пройдет три месяца. Что ж, она подождет. За деньги можно чему-нибудь научиться, какому-нибудь настоящему делу, и тогда, возможно, она найдет мужчину, только одного, своего. А пока тоже будет учиться, узнает и поймет, что именно нравится мужчинам, и тогда единственному будет с ней хорошо, она сумеет ему угодить. И еще придумала игру: если не хватало сил, представляла, что уже сейчас она с тем, с будущим, со своим, и тогда Гуле самой начинала нравиться эта игра, она входила в такой азарт, что движения ее действительно походили на танец живота, пусть и в таком, распластанном виде. Вот почему посетители притона

выбирали ее чаще других, красивых, девушек. Иногда Гуля пыталась придумать лицо своему будущему единственному мужчине, но придуманное изображение расплывалось, теряло очертания. Единственно, что она успевала заметить — это лицо не китайца, не узбека, а русского человека.

Толстый китаец был ею доволен, но денег не платил. Однажды, когда Гуля пришла очередной раз просить деньги, даже избил ее. Китайка Ли, единственная, с которой Гуля подружилась в этом притоне, уговаривала ее больше не ходить к нему: он не заплатит никогда. Ли толстый китаец привез из Китая тоже обманым путем. Обещал помочь найти ей родственников по русской линии. Поэтому надо как-то убежать отсюда, а родных они найдут сами, потому что это известные люди: их помнят в России, а сейчас даже пишут о них книги. Если бы Гуля знала, что бежать ей придется одной, она бы все запомнила: фамилию, адрес, саму историю. Но она просто слушала, как сказку, и старалась придумать план побега. Почти придумала, но все пошло наперекосяк. Бедняжку Ли задушил придурок, приехавший на дорогой машине. Через несколько дней Гуля пошла к толстому китайцу, чтобы сказать: если не даст денег, больше не будет спать с мужчинами, пусть ее лучше убьют.

У толстого китайца была отдельная комнатка, которую он запирали, когда поздно вечером уезжал домой. Но в тот день, как подумала Гуля, он не уехал, потому что из-под двери пробивался свет. Она потихоньку постучала, ей никто не ответил. Тогда Гуля решила войти без разрешения. Толстый китаец действительно не уехал, он лежал на полу с перерезанным горлом, а рядом валялся нож. Что-то хлопало, булькало в этом горле, возможно, он был еще жив, но Гуля не стала звать на помощь, ей не было жалко толстого китайца. Она бросилась к столу, выдвинула ящик, увидела несколько паспортов, нашла среди них свой. Но денег в столе не было. В углу комнаты стоял сейф, в котором китаец, видимо, держал деньги. Но как его открыть? И куда идти без денег? Преодолевая страх, обыскала карманы брюк, кое-что нашла, но это так, мелочь. На полу еще были сложены какие-то вещи. Переворотив, поняла, что это одежда

девушек, наверное, тех, которых, как Ли, уволили завернутыми в одеяло. Нашла джинсовый костюм — брюки и куртка, — быстро переоделась и выскочила из комнаты. Подумала: сейчас или никогда. Завтра увидят убитого толстого китайца и скорее всего ее заподозрят в убийстве. Она лазила в стол, трогала сейф, а главное — оставила там свою одежду. Вышла из подвала и быстрым шагом прошла мимо дремавшего на сложенных кирпичках охранника. Он все-таки зашевелился, поднял голову и лег опять, как будто лежал на мягких курпачах. Видимо, принял ее за посетителя притона...

Когда Гуля, ставшая Ликой, впервые увидела Сергея Ивановича, у нее защемило сердце, потому что размытые видения, ее попытки представить своего будущего мужчину обрели четкие очертания. Это было то самое лицо. Это был он. Но и тут все не складывалось. Сергей Иванович — муж Катюши, которая пожалела Лику и привела в свой дом.

Лица лежит и слышит сквозь стенку, как Сергей ругается со своим дядей. Похоже, заступается за нее. Но кто победит в этом споре? Возможно, утром ее выгонят из дома. Вместе с ребеночком.

Лице страшно и почему-то холодно. Она куется в одеяло, стараясь согреться. Пусть все будет как будет.

* * *

Анна Павловна с утра чувствовала себя нездоровой. Подскочило давление. В последнее время это случалось не так уж редко. Пора бы уже пролечиться основательно, но откладывала на потом, обходилась таблеточками. Знала и то, что надо изменить в своей жизни: меньше работать, по крайней мере, отключаться от работы, покидая стены больницы, а еще вечерние прогулки на свежем воздухе вместо... Ну, вместо чего, Анна Павловна даже додумывать не стала. Это ее привычки, ее слабости, и на каких весах взвесить, что хуже, что лучше скажется на ее самочувствии? Отказаться от них во имя здорового образа жизни (весьма, кстати, спорное понятие) или жить, как жила, не устраивая организму дополнительных стрессов?

Жаль, что придется отменить назначенную на вечер встречу с Сергеем Ивановичем. Тянуть особенно некуда — Сашу надо выписывать, и сегодняшний разговор должен быть самым важным. Есть, правда, вариант — пригласить его домой. В конце концов, он не душевнобольной, не пациент больницы, с которым нужно выдерживать определенную дистанцию. Они могут больше и не увидятся. А может быть, наоборот, стать приятелями. Почему нет? Она могла бы время от времени отслеживать состояние Саши. Кроме того, у нее совершенно нет общения вне больницы.

Квартира, конечно, запущена, но немного она прибралась, по крайней мере, в зале. Да и вообще — пусть все будет как будет. К их встрече это не имеет отношения никакого. Сергей Иванович принял предложение, как ей показалось, с облегчением и даже радостью. Это понятно. Больница есть больница. Где-то рядом лежит в палате сын. Нет-нет да заглянет в ее кабинет по какому-то поводу, а может, из любопытства, дежурная сестричка, позвонит дежурный врач.

Сергей Иванович пришел с букетом очень красивых роз, сказал, что их выращивает Лица. Смущаясь, достал бутылку коньяка: вдруг захочется... Выложил также закуску, пусть не совсем коньячную, но очень аппетитно пахнущую, — колбасу, окорок, какой-то мясной рулет. Сказал — все натуральное, у них своя копильня.

Перекусить и выпить решили попозже, а разговаривать и курить начали сразу.

— Как я вам уже рассказывал, Лику я дяде на откуп не отдал. Но он, прежде чем помочь, действительно пробил ее по всем параметрам уже там, в Москве. То, что Лица год прожила у нас без регистрации, можно сказать, ее просто спасло. Дело в том, что в день ее побега был убит хозяин притона толстый китаец, а поскольку в его конторке нашли одежду Лици, она и стала первой подозреваемой. Ее объявили в федеральный розыск, но под настоящим именем и фамилией. К счастью, за это время нашли настоящего убийцу. Как узнал дядя, в притоне этом крутились также наркотики и он уже находился в оперативной разработке. И еще что интересно. «Крышевал» этот притон очень большой чиновник. Тот самый, что приезжал на дорогом автомобиле. Почему по-

сещал такое явно не по рангу заведение? Потому что был извращенцем. Кроме того, что нравились ему только азиатские девушки, он еще душил их, это был его способ получения оргазма. Случалось, насмерть.

— Теперь подойдем к самому главному — рождению сына. Роды прошли благополучно?

— Не совсем. У Лики слишком узкий таз, хотели делать кесарево. Потом отказались от него, но роды вызвали раньше времени и щипцы тоже пришлось применить. Может, поэтому родился он слабеньким, долго не вставал на ножки.

— Лика была хорошей матерью?

— Да, хорошей. Собственно, она все делала хорошо. Когда она еще была в роддоме, мама упала, сломала шейку бедра. Лика за ней тоже заботливо ухаживала, но у мамы развилась тяжелая пневмония, и мы ее потеряли. Сына пытались лечить, возили по врачам, но ничего определенного так и не добились. Все изменилось после того, как прилетела шаровая молния. Саша не только выздоровел, но и стал проявлять необыкновенные способности. Кстати, как вы относитесь к этому?

— Что вам сказать... Возможности психики безграничны и до конца не познаны. Были случаи, когда после физической травмы, комы, удара молнии или электрического тока у человека начинали проявляться экстрасенсорные и другие способности. Малограмотный крестьянин вдруг начинал говорить на нескольких иностранных языках, кто-то стал выходить на транспланетарное видение и писать картины, в основу которых были положены отнюдь не земные сюжеты... Но, возможно, ваш ребенок был одарен с самого рождения, просто время, когда эта одаренность должна была проявиться, совпало с посещением молнии. Когда-то меня интересовали дети-индиго, я собирала материал для кандидатской диссертации, но так и не написала в силу личных обстоятельств. Гениальные дети быстро сгорают. Вспомните художницу Надю Рушеву, которая в подростковом возрасте умерла от кровоизлияния в мозг. Перед перестройкой в прессе много писали о девочке-поэтессе Нике Турбиной, сравнивая ее поэзию с поэзией Блока, Пастернака. Когда началась перестройка, о ней все забыли, поэзия уже ма-

ло интересовала и издателей, и читателей. Девушка, не выдержав разрыва с детством, выбросилась из окна. Стихи она писала, кстати, пророческие, на грани ясновидения, и свою обреченность чувствовала с ранних лет. Вообще, психика гениальных детей хрупка и ранима, они наиболее часто склонны к суициду. Кроме того, как правило, заклиниваются на моноидеях. Так что Саша, скорее всего, посвятит жизнь изучению шаровой молнии и будет искать форточку в параллельный мир.

— А чем вообще объясняется появление детей-индиго?

— Есть только попытки объяснить, но все они безуспешные. Что касается лично моего мнения, я считаю это ничем другим, как игрой генов.

— Я все-таки связываю одаренность своего сына с шаровой молнией. Ведь она прилетала к нам дважды, и это не может быть случайностью. А мне теперь предстоит рассказать о первом сне Саши. Ему тогда было всего одиннадцать лет. Я сидел за столом и листал семейный альбом. Причем не затем, чтобы смотреть на фотографии. Просто иногда я засовывал туда какую-то нужную бумагу (квитанции, деловые письма), чтобы были под рукой: раз и достал, альбом всегда лежал на стеллаже на видном месте. Сын подошел и встал у меня за спиной. И тут мне на глаза попала фотография Катюши. Черно-белая, совершенно прекрасная — работа моего приятеля, фотокора одной из газет. Катюша с распущенной косой, вся в бликах солнечного света. Я приостановился, невольно залюбовался ею, взгрустнул. И тут слышу голос Саши: «Какая красивая девушка. Я ее знаю. Как жаль, что ее убили».

Я вздрогнул, обернулся, смотрю на сына, а у него на лице такая взрослая печаль, а в глазах слезы. Растерялся, но все-таки сказал: «Ты не мог ее знать. Она действительно умерла, но тебя еще не было на свете. И с чего ты решил, что ее убили?»

«Увидел во сне. Она стояла возле большой березы, в лесу. Рядом валялось поломанное дерево. А потом ее задушили розовым шарфом».

— Ваша жена при этом присутствовала?

— Вошла как раз во время разговора. Я спросил Сашу: кто ее убил? И тут лицо его так страдальчески исказилось. «Не помню, папа, я уже давно видел этот сон. И лица не разглядел».

Этот человек, он стоял спиной». Мне хотелось спросить еще: человек — мужчина или женщина, но пожалел ребенка.

— Или боялись услышать ответ, — произнесла доктор.

Сергей Иванович, глянув на нее, замолчал ненадолго, по лицу его тоже пробежала страдальческая гримаса. Не отреагировав на реплику Анны Павловны, продолжил:

— Я обнял его, прижал к себе. «Не надо, сынок, не вспоминай. Это ведь только сон».

— Вы видели в это время лицо своей жены?

— Да. После того как обнял сына и он уткнулся в мое плечо, я повернулся и посмотрел на нее. Она казалась испуганной, но, думаю, мое лицо было таким же... Анна Павловна, я бы сейчас выпил рюмочку.

— Так пожалуйста. Сейчас принесу, из чего выпить, нарежу, чем закусить.

Принесла две маленькие хрустальные рюмочки — пусть отдыхает сегодня ее граненый стакан, поставила закуску.

— Начинайте, Сергей Иванович, ухаживать.

— Анна Павловна, хочу сказать, я не забыл, что за рулем, но решил переночевать в машине, в вашем дворе.

— Да бог с вами, Сергей Иванович! У меня четыре комнаты, найдется, где вам поспать, так что не берите в голову.

— Спасибо, Анна Павловна. А теперь я хочу спросить вас, что такое вещие сны.

— Сергей Иванович, дорогой вы мой! Тут бы разобраться с тем, что такое сны вообще, а вы хотите, чтобы я вам про вещие объяснила. Границы мозга спящего человека размыты, бессознательное состояние — режиссер наших сновидений. Что касается вещих снов... Фрейд считает, что подсознание посылает нам свои сигналы. Мы видим во сне то, что когда-то видели и пережили наяву, но тогда защитные силы нашей психики уберегли нас от восприятия, но воспоминания остались в подсознании. Потом проявились во сне. Это называется иллюзией уже виденного и, как правило, свойственно творческим натурам. Но у нас с вами не тот случай, так ведь? Саша не мог видеть ни Катюшу, ни убийство, если таковое было. Другие ученые считают вещие сны и вообще дар предвидения атавизмом. За послед-

ние столетия у человека атрофировалось это чувство за ненадобностью, но кто-то не отказался от него, чтобы сохранить в себе творца.

Впрочем, не будем теперь гадать. Большинство ученых отрицают вещие сны. Хотя никто не мог опровергнуть, например, сон Ломоносова, который точно сообщил ему место гибели отца. Скажите, после того, что рассказал сын, обстановка в семье как-то изменилась?

— Не без этого... У меня появилась какая-то настороженность по отношению к Лике, а сама она как будто стала побаиваться Саши. Иногда как-то по-особому стала всматриваться в его лицо, будто сомневалась, ее ли это ребенок. Потом все это постепенно стерлось, забылось, и мы стали жить по-прежнему. То есть хорошо. Мы ведь действительно жили хорошо: ни ссор в семье не возникало, ни разногласий. Конечно, в основном это заслуга Лики.

Прошло еще пять лет, Саше исполнилось шестнадцать, он год уже как окончил экстерном школу, но мы решили, что в вуз он пока поступать не будет. Пусть подрастет хотя бы еще год-два. При всех своих способностях он во многом был наивен, робок, излишне жалостлив, мне казалось, что в студенческий коллектив лучше войти ровесником.

В ту ночь бушевала сильная гроза, ветер был почти ураганный, молнии сверкали так, что комнату заливало голубым светом. Как всегда, при разгуле стихии возникает чувство тревоги, но, казалось, все обошлось. Лишь на другой день узнали, что в поселке все-таки кое-где поносило шифер с крыш, были повреждены линии электропередачи, и еще молния ударила в сарай и сожгла его. Сарай этот принадлежал рыжему фашисту — так прозвали дети одного из наших сельчан за жестокое обращение с животными. Однажды этот, действительно фашист, на их глазах вилами заколол бездомную собаку, и это был не единственный случай. Кто-то из деревенских рассказывал, что уже после грозы летал по небу неопознанный объект в виде красного шара и якобы даже зависал над нашим домом. Школьный учитель физики заснял его на мобильный и собирался послать уфологам. Но мы ничего этого не видели. Только сын наш наутро после грозы долго не выходил из комнаты. Вроде дело понятное — не выспался из-за грозы, но

меня не оставляло чувство беспокойства. Тем не менее Лика, как всегда, приготовила завтрак, оставила Саше записку, что разогреть, где взять, и мы с ней уехали на машине. Завез ее на ферму, а мне нужно было в Москву, и вдруг я обнаружил, что забыл дома мобильный. Остановился, посидел в раздумье несколько минут. Даже поговоривал себя — ну забыл и забыл... Не так уж он мне и нужен. Возвращаться — плохая примета. Но тем не менее развернулся и поехал домой. Открыл дверь своим ключом и услышал звук льющейся воды. Вбежал в ванну и увидел Сашу с перерезанными венами. И пока я его вытаскивал, затем перетягивал бинтами запястья, он в полусознательном состоянии повторял: «Папа! Это была мама. Теперь я четко увидел. Она обернулась, и я увидел. Папа, зачем?»

В «скорой» его прооперировали, зашили вены, все обошлось. Врач сказал: если суицид, обязательно нужна помощь психиатра. Я обещал, что отвезу его в психиатрическую больницу, но не в нашу, они смогут это проверить. Не хотел засвечивать парня. Сообщили также в наше отделение милиции. Я так понимаю, убедиться, что не было доведения до самоубийства.

С Ликой встретился только вечером. Посадили напротив себя, рассказал, что случилось с Сашей, и, глядя в глаза, спросил:

— Зачем ты убила Катюшу?

— Вопрос, конечно, очень умный. Непонятно, действительно, зачем?.. — ироничная улыбка тронула губы Анны Павловны. Но она как бы одернула себя: — Впрочем, продолжайте, Сергей Иванович, продолжайте...

Сергей Иванович тоже не стал заострять внимание на реплике доктора.

— Анна Павловна! При всей своей проницательности вы даже представить не можете реакцию Лики. Она не стала отвечать на мой, вы правы, идиотский, вопрос, не стала ничего отрицать и оправдываться. Лика словно получила ответ на вопрос, который мучил ее долгие годы: «Это не мой сын. Катюша вдохнула в него свою душу. Я видела, видела! Белое облачко вылетело из ее рта и коснулось моих губ. Китайцы про это знают. Уйгуры тоже. Вы не знаете... Это не мой сын...»

И согласитесь, Анна Павловна, это равносильно признанию в убийстве... Что мне прикажете с этим делать?

— Ну, не бежать же в правоохранительные органы... Во-первых, как там говорят, нет тела — нет дела. Обстоятельств случившегося мы, скорее всего, никогда не узнаем. А сон — это лишь сон и доказательством не является. Если исходить из того, что преступление все-таки было совершено и совершила его Лика, скорее всего сделала она это не умышленно. Ведь если бы планировала, то, действительно, не звала бы с собой доярок. Да и сама ведь была недалеко от гибели... Помните, вы упрекали меня, что готова вывернуть вас наизнанку? А представьте, если бы мне удалось это сделать до исчезновения Катюши, тогда вы сами бы не загоняли в подсознание свои мысли и чувства, а признались себе, что любите Ликку. Тогда все могло бы обойтись без трагедии, так, небольшими семейными неурядицами. Вы просто развелись бы с Катюшей. Она, скорее всего, отнеслась бы к этому, насколько я могу судить о ее характере, относительно спокойно. Ушла бы к матери, вы могли бы даже остаться друзьями. И жили бы со своей Ликой, растили бы своего замечательного сына.

Анна Павловна говорила что-то еще и вдруг почувствовала себя в роли ведущей одной из передач, которые называла: «Чужую беду руками разведу». Вспомнила отца с его фразой: «Ну, меня, как Ахромеева, бечевкой не удавишь» и свою реакцию, вернее, ее отсутствие. И еще все те мелочи в поведении сына, которые должны бы ее насторожить, но не насторожили...

Замолчала, прижала ладони к вискам, словно ее мучила мигрень, и внезапно осевшим голосом попросила:

— Налейте, Сергей Иванович... Что-то в горле пересохло.

— С удовольствием, Анна Павловна. И вы правы, правы во всем, что говорите. Но ведь это и есть та соломка, которую человек не успевает подстелить. Сейчас-то что делать, как сына домой привезти, как жить втроем? Подскажите... Вы можете убедить его в том, что сон ничего не значит. Ведь мало какая бредятина иногда приснится...

— Попытаюсь, но боюсь, что он мне не поверит. Я знаю одного психиатра-гипнотизера, который умеет стирать нежелательные воспоминания. Но, во-первых, это не разрешено

официальной наукой и даже уголовно наказуемо. Такие специалисты обычно используются в спецслужбах. Или криминальных кругах. Кроме того, никто не знает отдаленных результатов таких экспериментов. Я могла бы вам дать совет: может быть, стоит отправить Сашу жить к вашему дяде в Москву. Поступит там учиться, начнется новая для него студенческая жизнь, будет постигать астрофизику и, возможно, сделает открытия в той области, которая так его интересует. Найдет ответ на вопрос, что же это или кто она — шаровая молния. Ну, а послезавтра, когда привезете его домой, постарайтесь вести себя как можно естественнее.

* * *

Лика срезала розы. Сначала белые, потом розовые, потом красные, совсем темно-красные и, наконец, черную розу. Так цвет будет идти по восходящей: от белых к черной розе в сердцевине букета будут подбираться всё более темные оттенки. А можно подумать по-другому: черная роза — только начало. Затем круги все светлее, светлее, совсем светлые. Ведь жизнь тоже складывается из разных цветов и тоже идет по кругу. У нее, Лики, не было ничего светлого с самого детства. И лишь последние семнадцать лет — так много, может, даже слишком много для нее, — были счастливыми. Только, похоже, они кончились, и, если бы Лика собирала букет для себя, она, пожалуй, окаймила бы его еще одним кругом из черных роз. Пусть бы та, одна, осталась в серединке, как в прошлом, ее не всякий там и разглядит...

С тех пор как Саша в больнице, муж почти не разговаривает с Ликой и не приходит в ее постель. А ведь она уже почти поверила, что все прошло, забылось, и Катюша там, на небесах, простила ее. Они ведь действительно тогда заблудились, искали болотце, возле которого, как говорили женщины, много торфа и много клюквы. Оно должно быть где-то близко, но Лика с Катей все шли и шли, а его так и не было. Как вернуться назад, тоже не знали. Пришлось заночевать в лесу. Катя боялась и плакала, Лика жгла костер и, как могла, успокаивала ее. Потом Катя все-таки уснула, и Лика накрыла

ее чем могла. Утром поднялись и снова отправились в путь. Катя без конца набирала номер Сергея, но он продолжал оставаться недоступным. Наконец вышли к болоту, видимо, совсем к другому, но Катя уже совершенно обессилела, ее клонило в сон. Опустившись на поваленное дерево, сказала Лике: «Я никуда не пойду. Давай беречь силы, нас найдут».

Холодало. Лика предложила: «Давай я похожу, может, найду какую-нибудь тропиночку или встречу кого. Ты оставайся на месте».

Она оставила ей последние запасы — воду и бутерброды.

Теперь Лика шла, стараясь запомнить дорогу, аукала, звала на помощь, все было тщетно. Небо почти не проглядывало сквозь листву деревьев, в лесу было темно, как ночью, ветер усиливался, сверху сыпалась ледяная крупа. Побродив, Лика все же решила вернуться к Катюше. Та уже не сидела на бревне, а лежала рядом, подложив ладони под голову.

— Катюша, не надо спать, — просила Лика. — Так мы пропадем, давай жечь костер, давай разговаривать.

— Мне холодно, — простонала Катя. — Я не могу, как мне холодно.

Лике тоже было плохо, она уже сутки не ела, все отдавала Кате, но все же держалась, знала, какая она выносливая. Сняла с себя розовый вязанный шарф, последнее из одежды, что могло хоть как-то согреть, сама осталась в легкой кофточке.

«Катюша, приподнимись, я тебя шарфом укутаю. Ну, хоть немного голову, пожалуйста, тебе сразу будет теплей. Встань, встань, пожалуйста. Вот умница. Смотри, какое дерево, береза, прислонись к ней, тебя и ветер тогда не достанет, она ветвями прикроет. Давай я на плечах шарф расправлю и вокруг шеи сейчас один конец перекину, а потом прикрою вторым грудь. Он большой и теплый, ты согреешься, и мы пойдем», — Лика уговаривала Катюшу, как ребенка, та с неохотой, но все же слушалась ее. И когда Лика пыталась сунуть конец шарфа под куртку, она встретилась с вдруг прояснившимися глазами Катюши. Они смотрели на нее в упор, и в них была такая откровенная ненависть, что Лика содрогнулась: «Катюша все знала и все это время меня ненавидела. Как же ей было тяжело, и как я виновата...»

Ли́ка отступила на шаг, потом еще на шаг и тогда только почувствовала, что в обеих руках держит по концу шарфа. Не поднимая глаз — она была почти на голову ниже Катюши — Ли́ка видела перед собой теперь только шею Кати, закутанную в ее шарф. Теперь она приближалась к ней так же медленно, как и отступала. Шаг, еще шаг — концы шарфа становятся короче, Ли́ка наматывает их на свои запястья. Потом крепко сжимает кулаки и рывком разводит их в стороны. Катюша медленно оседает по стволу березы. Ли́ка опускается вслед за ней, садится рядом. Только теперь понимает, что наделала. Шепчет: «Катюша, Катюша, я сейчас...»

Лихорадочно распутывает шарф, пытается развязать узел, он не поддается, пальцы не слушаются Ли́ку. Наконец справилась, но голова Кати беспомощно клонится вбок. Ли́ка укладывает ее на землю, гладит ее волосы, трет ладонями щеки, тормошит за плечи, но та уже ни на что не реагирует, глаза закрыты, дыхания не слышно. Тогда Ли́ка наклоняется над ней, теперь их лица совсем рядом. Легкий, последний вздох вырывается из груди Катюши, светлое облачко поднимается из ее приоткрытого рта, касается губ Ли́ки. Она испуганно вскакивает. Это душа Кати покинула ее, но не ушла в небо, нет... Она теперь будет всегда рядом с Ли́кой, и не будет им обоим покоя. А может быть, Катюша знала и про беременность Ли́ки, вдохнула свою душу ее ребеночку, только тогда он станет ее ребенком. «Я отняла у нее мужа, она взамен возьмет сына... Что же мне делать с тобой, Катюша? Я не смогу тебя похоронить и оставить здесь тоже. Здесь дикие звери, а ты такая красивая. Лучше я положу тебя в воду. Когда станет тепло, над тобой расцветут кувшинки, красивые цветы», — так решила Ли́ка.

Катюша намного тяжелее, чем Ли́ка, но Ли́ка вынослива и тяжести ей приходилось носить еще тяжелее. А тут снежная крупа засыпала землю, сделала ее скользкой. Она взяла Катю под мышки и поволокла к озерцу. Нет, скорее, к болоту. Озера молчат, болота разговаривают — скрипят, хлюпают, плачут. Когда Катюша скрылась под водой, Ли́ка, которая сама стояла в болоте по колено, едва вылезла на берег, зацепившись за какой-то крепкий куст. Да, это не озеро — тина захлебывала, тянула вниз.

Присев перевести дух на мягкий торфяник,

Ли́ка вдруг увидела в нем целые россыпи красной ягоды. Вспомнила толстого китайца: когда ругался с кем-нибудь, он выкрикивал угрозу: «Ты еще будешь плакать у меня кровавыми слезами». Еще раз посмотрела на ягодки, выглядывавшие из торфа, сказала: «Это не клюква, это мои кровавые слезы. Видимо, пришла я в лес именно за ними...»

Ли́ка поднялась и пошла куда глаза глядят, не разбирая дороги.

* * *

Анна Павловна вздрогнула от неожиданного телефонного звонка. Было уже десять часов вечера, и в это время ей обычно никто не звонил.

— Анна Павловна! Умоляю, приезжайте. Берите такси.

Она едва узнала Сергея Ивановича — настолько подавленным, убитым был его голос. Спрашивать что-либо по телефону не было смысла, отказать ему Анна Павловна тоже не могла. Скорее всего, Саша повторил попытку суицида, а это уже ее недоработка.

За день до выписки она сказала Саше, что знает о том, что он видел во сне маму и при каких обстоятельствах. Проговорили несколько часов. Доктор объяснила, что сны — это причудливое сочетание уже пережитого, виденного, замешенного на всей информации, которую предоставляют нам телевидение, Интернет и так далее. Нельзя воспринимать их как реальность, а тем более заикливаться на них. Даже рассказала об одной своей пациентке, которой снился один и тот же сон: кто-то звонит ей по телефону и сообщает о том, что по такому-то адресу сейчас находится ее муж с любовницей, женщина якобы вызывает такси, едет туда, дверь почему-то открыта, любовники в постели... Она кидается к своей сопернице и просто вгрызается ей в горло, даже чувствует на губах вкус крови. Вот это и навредило на женщину ужас, потому что была она человеком не только интеллигентным и воспитанным, но и незлобивым, кроме того, не ревновала мужа и даже не подозревала его в измене. Поэтому решила, что нездорова, и обратилась к психиатру.

«А если такое случится, что муж мой полюбит другую, — говорила она Анне Павловне, — я отпущу его с богом, даже не устроив скандала, как и должна поступить по-настоящему любящая жена». Но прежде чем лечь в больницу, она все-таки нашла по названному неизвестно кем адресу квартиру и съездила туда. Адрес оказался невымышленным, но там жили только пожилые супруги. Мы ее подлечили, она успокоилась, а муж ее через два года погиб в автомобильной катастрофе.

— Ну и в чем здесь смысл этого повторяющегося сна? — спрашивала она Сашу.

И Саша соглашался, никакого смысла. Действительно, сон — это калейдоскоп, сложенный из стекляшек, есть такие игрушки для малышей. Смотришь в глазок — такие картины складываются! Сломал — ничем не примечательные осколки.

Конечно, Анна Павловна слукавила. Конец у рассказанной о пациентке истории был совсем другой. Муж действительно погиб в автокатастрофе, но вместе с ним погибла и молодая женщина, дочь пожилых супругов, которых она нашла по указанному адресу. Женщина тогда вновь попала к ним в больницу, и лечение ее затянулось надолго...

Анне Павловне все казалось, что таксист едет медленно, да и сам путь оказался неблизким. Кроме того, шел дождь, и где-то вдалеке громычал гром. Наконец нашли они нужный дом, это как раз оказалось нетрудно, в этом селе все знали семью Сашиных родителей. Но, когда доктор увидела на пороге встречавшего ее Сергея Ивановича, она едва узнала его. Сомнений не было — случилась беда. Он и шел как-то странно, даже придерживался за перила крылечка, словно ноги плохо держали его.

Первое, что бросилось в глаза Анне Павловне, когда она вошла в дом, это огромный букет роз в вазе посередине стола. Они были серого цвета, совершенно неестественного для цветов, но не выглядели увядшими. Каждый лепесток и листик сохранял свою форму. Анна Павловна протянула руку, дотронулась до них — розы тут же осыпались на скатерть, превратившись в кучку золы. Цветы были сожжены, но что-то держало их в такой совершенной форме.

Опустилась в кресло, коротко произнесла:
— Рассказывайте, Сергей Иванович, не томите...

И вот что он рассказал.

Саша, вернувшись из больницы, казался спокойным, радовался встрече с матерью, играл с любимой собакой, то есть вел себя как обычно. И Сергей Иванович, и Лика были очень рады, оба надеялись, что все обойдется без эксцессов. Вечером вместе поужинали, Лика смотрела телевизор, забравшись с ногами в кресло, Сергей Иванович просматривал какие-то журналы, Саша сидел у компьютера в своей комнате. И вдруг в телевизоре раздался страшный треск, его как бы охватило пламенем. Решив, что он взорвался, Сергей Иванович хотел броситься обесточить электросеть, но тело не повиновалось ему, встать он не смог, а Лика между тем странно осела в кресле. Пламя каким-то образом сконцентрировалось в огненный шар, который поднялся под потолок и стал делать плавные круги. Тут из комнаты выскочил Саша, бросился к матери, закричал так отчаянно, что я понял: с ней случилось что-то страшное, что она, скорее всего, не жива, но и меня как будто парализовало. Все, что я мог, это как заколдованный следить за движениями шаровой молнии, а это была именно она. А Саша... Он вскинул руки вверх, словно пытаясь дотянуться до нее, и представьте, стал разговаривать с молнией, просил ее: «Не надо, не надо, давай уйдем отсюда».

По лицу Саши текли слезы, и он, не поворачиваясь, стал отступать, пятиться к выходу. Возле двери он повернулся и вышел за порог, а она, представьте себе, вылетела за ним. Скванность, охватившая меня, не отпускала, я просто был в отчаянии. Прошел примерно час, показавшийся мне вечностью, когда я смог доковылять до Лики. Лицо ее было черным, кисти рук тоже, одежда оставалась нетронутой. И так не большая, Лика уменьшилась в размерах и выглядела как десятилетний ребенок. Сергей Иванович дотронулся до ее руки, она была похожа на обугленную веточку. На лицо даже посмотреть боялся. Позвонил в «скорую», затем, едва передвигаясь, вышел на улицу. Там стояла, не расходилась, толпа зевак. Сергей слышал обрывки разговоров:

«Что-то зачастила к нам эта гостья, не к добру это...» Вспоминали сожженный сарай рыжего фашиста, другие истории, о которых слышали кто от очевидцев, кто по телевизору.

«Где мой сын?» — спросил Сергей Иванович.

Ему объясняли наперебой: «Так он побежал по улице, видно, хотел вести ее за собой, чтобы тут пожара не было, потому что она за ним так и двигалась».

«Такой смелый мальчик. Он, может, нас всех спас...» — сказал кто-то.

«Нет, вы не так рассказываете. Сначала — да, бежал, а потом молния эта или что еще, может, НЛО какое... В общем, оно его обогнало, поднялось повыше, и теперь уже он шел за ней, медленно, просто шел. Ну и как прошли нашу улицу, так мы больше и не знаем. Вернется, наверное, скоро».

Сергей Иванович обратился к соседу:

— Будь другом, садись в мою машину, объезди улицы, поищи Сашу. И вы, ребята, — это он уже к пацанам, к подросткам: — поищите где сможете, найдёте — приведите домой. Я сам не могу сесть за руль, но в долгу не останусь.

Приехала «скорая». Врач, глянув на Лику, сказал: «Ей не помочь, вы же сами понимаете. А вас надо осмотреть». Измерил давление, послушал сердце. Предложил поехать в больницу. Сергей отказался:

— У меня сын пропал. А со мной все в порядке.

— У вас же координация нарушена. Я бы все-таки предложил госпитализацию. Но если не хотите, это ваше право. Труповозку мы сами вызовем.

Уезжая, пожал Сергею руку:

— Держись, мужик. Природа, стихия, такое, брат, дело, от нее не спасешься. А сын придет.

— Спасибо, — ответил Сергей и подумал с тоскою: не придет. Она забрала его с собой. А может, он ушел за ней добровольно.

Анна Павловна осталась ночевать у Сергея Ивановича, благо завтрашний день был выходным — воскресенье. Спать не ложились, утром опять пошли на поиски Саши, расспрашивали очевидцев. Ничего нового, только Петр Николаевич, главный технолог молокозавода, озадачил своим рассказом. Дом его последний на улице, дальше начинается пастбище.

— Я увидел красный шар, плывущий над зелеными посевами, и бросился в дом за фотоаппаратом. Вдруг смотрю, идет Саша, туда, на пастбище. Я его окликнул, он не отозвался. Тогда попытался остановить, взял за плечо, говорю, не ходи, это может быть опасно. Саша как будто не узнал меня, и выражение лица было странным, отсутствующим каким-то. Но я продолжал держать его за плечо, и тогда он все-таки обратил на меня внимание, снял руку с плеча и сказал такую загадочную фразу, пошутил, наверное, но я, честно говоря, не понял...

— Повторить сможете? — спросила Анна Павловна.

— Да повторить-то чего проще, просто не понимаю, к чему это он... «Откройте форточку, господа», — вот что сказал Саша и пошел вслед за медленнодвигающимся шаром. Я растерялся, стоял как дурак, смотрел ему вслед, потом вспомнил про фотоаппарат, но когда вернулся, ни шара, ни Саши не увидел.

— Вы поняли что-нибудь, Анна Павловна?

— Я поняла, Сергей Иванович. Мы с вами поговорим об этом позже... когда-нибудь.

Через день приехали из Москвы дядя Ваня с женой Клавдией Семеновной, теперь оба уже пенсионеры. Дядя Ваня тут же распорядился написать заявление в милицию о пропаже Саши. Сергей Иванович написал, потом обращался на телевидение, в передаче «Криминальная хроника» показывали фотографию Саши, затем съездил в Москву на передачу «Жди меня», где тоже показывали фотографию — все было напрасно. Да Сергей Иванович, если честно, и не надеялся. Дела свои он совершенно забросил, хотел продать и ферму, и молокозавод, но дядя не разрешил. Сдал свою московскую квартиру, переехал с женой к Сергею Ивановичу и все взял в свои руки. Пообещал: «Справимся, пока ты придешь в себя». К делу подключилась и его жена, в прошлом — экономист.

Сергей Иванович же все больше времени проводил у Анны Павловны. Большое одиночество маленького мира сблизило их. Теперь не только у Сергея, но и у Анны была возможность выговориться, и как-то забылся ежевечерний ритуал со стаканом водки. Она заботилась о здоровье Сергея Ивановича, который

постепенно приходил в себя. Разговаривать они могли часами, все больше о мальчиках, которых недолюбили и не смогли уберечь. И в какую форточку ушел каждый из них, кто знает...

– Скажи, Анна, – они незаметно перешли на ты и обращались друг к другу без отчества, – то, что Лика рассказывала про душу, ну, что ее можно вдохнуть ребенку, которого носит другая женщина, такое может быть?

– Да что ты, Сергей! Даже если у какого-то народа есть такое поверье, это все равно мистика чистейшей воды. Абсурд.

Через минуту-другую, помолчав и остыв от возмущения, совсем другим тоном:

– А бог его знает, Сережа, что может, а что не может быть в этом мире. Юнг, чье имя проносят в одном ряду с Фрейдом, всю жизнь слышал голос, и все его труды были продиктованы этим голосом. И вот думай, кто этот Юнг – великий ученый или гениальный сумасшедший, если, конечно, это не одно и то же. И что это был за голос, откуда?

Вспоминали и Лику. Анна жалела ее: сказка о Золушке без счастливого конца. Рассуждали о том, наказала ли ее судьба, жизнь ли, Господь Бог, выбрав своим орудием шаровую молнию, за убийство Катюши? И может быть, верно, что каждое зло рано или поздно, но наказуемо.

Духовная близость и понимание привели их однажды в одну постель, рано или поздно это должно было случиться.

– Акробатических трюков не обещаю, – пошутила Аня. – Мужчины у меня после отъезда Яши не было. До него тоже. Так что сексуальный опыт, увы, невелик.

– Я сам боюсь, – смущенно признался Сергей. – Не знаю, на что я теперь гожусь.

Но у них и тут все сладилось, а раны прошлого потихоньку затягивались. И уж совсем неожиданный-негаданный подарок преподнесла им судьба.

– Сережа! Я очень удивилась сама и, наверное, удивлю тебя. Я беременна.

У Сергея задрожали губы:

– А это можно? В смысле – родить? Не поздно, Аня?

– Нам только по сорок лет, Сергей. В сорок лет женщины рожают. Это сложно, но мы рискнем. Надо ведь для кого-то жить, как ты думаешь? И вообще – жить...

Людмила Дмитриевна БАСОВА.

Писатель, журналист, переводчик, киносценарист.

Родилась в Душанбе

и большую часть жизни прожила в Таджикистане.

Читателям известна по книгам «Про кино и про любовь» (1986),

«Зойка и пакетик» (1988), «Каинова печать» (2006),

«Предтеча любви» (2013).

Автор более десятка сценариев документальных фильмов.

Лауреат всероссийских кинематографических

и журналистских конкурсов.

Перевела на русский язык произведения многих таджикских прозаиков.

Член Союза писателей России.

С 1994 года живет во Владимире.

